Тень света

Автор:
Андрей Васильев

Тень света

Андрей Александрович Васильев

А.Смолин, ведьмак #3

Все знают народную пословицу, гласящую, что «чем дальше в лес?– тем больше дров». Так оно и есть на самом деле. Чем больше начинающий ведьмак Александр Смолин узнает о том, как именно устроен мир Ночи, тем больше проблем он находит на свою голову. А если еще учесть то, что за его спиной незримо маячат разные тени, вроде давно забытой богини или очень злого на него колдуна, то жизнь начинающего ведьмака и вовсе трудно назвать радужной. А тут еще и на работе проблемы начались…

Андрей Васильев

Тень света

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Нет, приворотом я не занимаюсь, – устало сказал я благоухающей дорогущей парфюмерией даме, сидевшей напротив меня. – Не мое, извините. Это вам к соответствующим специалистам надо обратиться, профильным. Вот они вам точно помогут. Ну или сделают вид, что помогли. В кольцо иголкой потыкают, заговоры пошепчут, фотку коварной разлучницы ленточкой траурного цвета перевяжут – короче, все как надо оформят. Что сработает эта хренотень не поручусь, но вам точно спокойней станет.

На самом деле я врал. Ну не то, чтобы совсем уж врал, точнее будет сказать – кривил душой. Кое-что для этой женщины я сделать мог, вот только вышла бы ей моя помощь боком – и сильно. Имелась в моей книге одна заметка, под названием «Присуха сердешная», имелась, чего скрывать. Но когда я прочел, к каким именно последствиям ведет это, назовем его так, заклятие, то сразу для себя решил – подобные игры проходят без моего участия. Ну нафиг такие забавы.

Само по себе заклятие было несложное, в плане исполнения, имеется в виду. Незамысловатые компоненты, не слишком труднопроизносимое заклинание, да и последующая реализация самая что ни на есть примитивная – сыпани порошок в еду и жди результата.

Вот только снять это заклятие потом почти нереально. Тот, кто порошок скушает, потом от своего избранника или избранницы не отвяжется вовек. В книге так и было написано: «Томление любовное все прочие мысли закроет, только образ один в голове у того человека будет, и прочая жизнь для него существовать перестанет. Если же его амант или аманта кого другого предпочтет, то беда великая случиться может, и даже со смертоубийством, потому как видеть предмет дум своих в чужих руках для той персоны боль нестерпимая есть». И еще полстраницы на ту же тему, как предупреждение – не стоит играть с любовью, хорошего от таких забав ждать не стоит.

Причем автором этого заклятия выступил, против моих ожиданий, не шаловливый Митрий, большой любитель плотских забав, а Митрофан, Евстигнеев сын, изрядный буквоед и зануда. С какого перепуга он этим вопросом заинтересовался – понятия не имею. Хотя могу предположить, что кинулся он в данную степь после того, как понял, что естественным путем ему какую-нибудь селянку в себя не влюбить. А, может, сам в кого втрескался настолько, что пошел на подобное ухищрение.

Кстати, это была последняя запись, сделанная Митрофаном в книге, по крайней мере из тех, что в ней имелись на сегодняшний день. Не исключено, что все и на самом деле для него плохо кончилось. Я пытался узнать у Родьки, что же там произошло (интересно ведь), но тот только делал круглые глаза да бормотал нечто невнятное. Хотя, ради правды, он вообще очень неохотно рассказывал мне подробности бытия своих прежних хозяев, за исключением, пожалуй, только последнего, того, что мне свою силу передал. Как видно, был у него какой-то свой кодекс чести, не позволяющий выдавать тайны тех, кто уже ушел из этой жизни.

А может, такова была его природа изначально, поди знай?

Короче – не собирался я практиковать любовную магию. И даже тот факт, что в данный момент передо мной сидела супруга ну очень небедного, я бы сказал – влиятельного человека, для меня ничего не решал. Лучше получить прямо сейчас небольшую проблему в виде резких высказываний раздраженной женщины со следами былой естественной и текущей хирургической красоты на лице, чем потом глобальную беду с возможными уголовными последствиями. Да еще и почти неразрешимую. Когда у ее мужа начнет крышу сносить от беспричинной ревности, и он установит за ней тотальный контроль, то она ведь ко мне прибежит с воплями: «Вертай все взад». А я только руками и смогу развести – снять-то это заклятие возможным не представляется. Точнее – это очень, очень трудновыполнимо. Там жертва нужна будет, и не какая-нибудь курица или другая мелкая живность. Его придется переводить на другого человека, и человек этот, считай, смертник. Выпьет его сила заклятия за год или даже быстрее, потому как не под него оно делалось.

Не скажу, что я сильно высокоморальная личность, но подобные грехи на свою душу брать пока не готов.

А вот еще интересно. Подобные заклятия у ведьм такие же, как у нас, ведьмаков? По исполнению и механизму действия? Имеется в виду, у настоящих ведьм, вроде Дары и ее подруг, а не мутных дамочек с хрустальными шарами, черными париками и в пестрых одеждах.

Буду снова в Лозовке – непременно у нее поинтересуюсь. Правда, не факт, что случится это скоро – на дворе дождливый октябрь, ветер срывает с деревьев еще совсем недавно зеленые, а теперь бурые листья, и все лесные дороги

наверняка развезло так, что на тракторе не проедешь. Тут, боюсь, даже тамошний Лесной Хозяин дядя Ермолай не поможет.

Даре-то что, она летать умеет. А вот я – нет.

Кстати, когда мы в самом конце лета все-таки нагрянули в Лозовку, я еще раз сподобился увидеть приснопамятный «полет валькирий», правда в этот раз лихой ведьмовской воздушный эскадрон оседлал метелки. Как видно, в вылазках на дальние расстояния без них не обойтись. Как мне потом объяснил вечно сумрачный Пал Палыч, который являлся коллегой Нифонтова, последний день лета не только для русалок является знаковым, но и для разной другой нежити и нечисти старославянского разлива. Они в этот день что-то вроде Нового Года справляют. Нет, про нечто подобное я и сам знал, в смысле – читал. Наши далекие предки этот праздник не зимой справляли, а в сентябре, в день осеннего равноденствия. В принципе, логика в этом имеется. Урожай убран, мороз еще не ударил, и даже если до бровей медовухой наберешься, а после под плетнем заснешь, то все равно не замерзнешь насмерть. Самая погодка для праздника.

Но то – люди, они во всем найдут практический смысл. Те же, кто живет в Мире Ночи, менее привязаны к простым радостям Земли, и у них своя логика. Которую, к слову, я пока не всегда могу постичь.

Потому я так и не понял, чем последний день лета отличается от первого дня осени, кроме, естественно, календарных значений, но сильно по этому поводу и не расстроился. Зато на закате все мы созерцали полет ведьм, которые с гиканьем сначала поносились над притихшей Лозовкой, а после стремительно помчались куда-то в сторону Можайска и вскоре скрылись из вида.

– И ведь знали, что мы на них смотрим, – заметил Пал Палыч. – Специально шоу устроили, чтобы понятно было, кто здесь настоящие хозяйки. Мол – при нас наша мощь, вот, ничего мы не боимся и, если надо, всем покажем, что такое настоящая сила и злоба природной ведьмы. Терпеть ненавижу.

Если бы Дарья Семеновна сейчас услышала его, то, полагаю, ей стало бы не по себе. И уж точно не стала бы плевать нам вслед, как тогда, когда мы по приезду встретили ее на деревенской улочке. Сто пудов, случайно встретили. Как же еще?

Я сдержал свое слово и прихватил Нифонтова с Мезенцевой с собой в Лозовку. Что до Пал Палыча – о его участии в вылазке меня поставили в известность по факту, прямо на Белорусском вокзале. Так сказать – явочным характером.

Впрочем, я ничего против и не имел, поскольку Пал Палыч мне пришелся по душе сразу, с первого же взгляда. Да оно и неудивительно – я о нем много чего от Николая слышал, и ничего против такого знакомства не имел.

Был он невысок, и на вид не слишком-то крепок физически, но при этом исходила от него некая внутренняя сила, которую субтильные граждане вроде меня ощущают безошибочно, а после грустно вздыхают, осознавая, что им подобного результата в жизни не добиться. Ну вот – не дано. Все верно древние римляне говорили о Юпитере и быке.

В общем – авторитетный товарищ. Даже вечно всем недовольная Мезенцева и то сразу замолкала, как только этот человек не то что цыкал на нее, а просто даже бросал строгий взгляд.

Да что Мезенцева! Пал Палыч моего строптивого домового Антипку, который проявил недовольство неожиданным нашествием в его пенаты незваной группы лиц, и то на место поставил сразу же.

– Домовой чудит? – коротко спросил он у меня, как только с печки на пол слетели какие-то котелки и жестяные тарелки, несомненно, сметенные рукой вредного домового, дождался утвердительного кивка, а после деловито буркнул: – Непорядок. Так не пойдет.

После этого сотрудник отдела 15-К подошел к печке, стукнул по ней кулаком и негромко произнес:

– А ну, давай, заканчивай. Или живо отправишься на ближайшее болото пиявок пасти и кикиморе по утрам с кувшинок росу собирать. Или на луг, полевому в слуги, кузнечиков гонять. Еще раз себе такое неуважение к хозяину и его гостям позволишь, я не поленюсь, вспомню заговор на запирание порога и в ход его пущу. И не надейся, что я Покон не знаю. Все как надо сделаю – и у хозяина твоего разрешения на то спрошу, и веник конопляный отыщу. Вон хоть бы у ведьм местных позаимствую. Ты меня понял?

Родька, которого я прихватил с собой, тихонько охнул и приложил лапы к ушам, так на него подействовали слова оперативника. Кстати, он эту троицу совершенно не стеснялся и шастал по дому в их присутствии абсолютно без смущения. Да и то – было бы кого? У них теперь в отделе его соплеменник обитал, и Родька про это был в курсе.

Так вот – мой слуга охнул, на чердаке в тот же миг что-то грохнуло, и больше Антип о своем существовании за все время, что мы гостили в Лозовке, нам не напоминал совершенно.

Это впечатлило меня настолько, что я даже не сразу нашелся что сказать. Я! Профессиональный банковский служащий, который языком метет как дворник метелкой. Да и на этой, темной стороне бытия, я тоже кое-что уже повидал, вроде как удивляться уже не по рангу. Звучит тщеславно, но тем не менее.

И все равно – силен оперативник. Ох, силен!

– А что за «запирание порога» такое? – опередила меня Женька. Просто я тот же самый вопрос хотел задать.

– Самое жуткое для домовых заклятие, – охотно ответил Пал Палыч, усаживаясь обратно на лавку. – Изгнание из дома. Причем не из какого-то конкретного, а из всех вообще. Оптом. И из изб, и из иглу, и из вигвамов. Он после этого ни в одно жилье войти не сможет. Порога не увидит. А если нет порога, то нет и двери. Для него любой дом будет как сплошная стена, через которую не пройдешь. И все, что останется – до бесконечности скитаться по дорогам или к кому-то из нечистых в услужение идти, а после тянуть эту лямку до второго пришествия. Домовой вне дома даже умереть не сможет. Вся его жизнь – четыре стены и крыша, это альфа и омега. И умирает он или на службе этому дому, или вместе с ним, когда тот люди бросают насовсем. А если у него крова нет, то и смерти ему нет. Разве только колдун какой прибьет ради смеха. Ну, или его требухи, отдельные части домовых наверняка в какой-нибудь черной волшбе да используются. Я как-то читал книгу одного такого колдуна – исплевался весь. Такая мерзость, даже по их меркам…

– А если самоубийство? – любознательно поинтересовалась Евгения. – Ну там в петлю, или еще чего?

– Они не люди, – покачал головой оперативник. – И такой глупостью, в отличии от нас, не занимаются. Им даже в голову не придет никогда подобное.

В общем, Пал Палыч сумел меня впечатлить.

Вот только даже он, при всей своей опытности, против дяди Ермолая слабоват оказался. В тот же вечер, когда ведьмы устроили нам воздушное шоу, мы все, как и собирались изначально, отправились на реку, посмотреть на русалочьи игрища. Я вполне легально, поскольку был приглашен, а вот трое сотрудников отдела – незваными гостями. Правда, на берег они и не собирались вылезать, хотели на все это глянуть издалека, из кустов, которых близ берега было предостаточно. Я их не винил – правда ведь интересно. Тем более что русалок даже матерый Пал Палыч за свою жизнь видел только дважды, причем, похоже, оба раза при не слишком приятных обстоятельствах. Каких именно, он не рассказывал, но по усмешке было ясно – те еще истории были.

Вот только до речки, которая текла чуть ли не за моим домом, ни один из сотрудников отдела не дошел. Они в буквальном смысле заплутали в трех деревьях. Между околицей и рекой стояла березовая рощица, жиденькая до невозможности, она насквозь просматривалась. Только вот рощица эта смыкалась с лесом, то есть находилась в юрисдикции дяди Ермолая. Проще говоря – это были его владения, в пределах которых он мог творить что угодно.

И сотворил. Я даже не понял, когда троица сыскарей пропала из вида, да и они не разобрались потом, в какой момент микроскопутная березовая роща стала густым буреломным лесом.

В результате на берег реки я пришел один, а Нифонтов сотоварищи чуть ли не до рассвета по ельникам круги нарезали. Лесной хозяин дал им возможность выйти к деревне только тогда, когда я вернулся домой. Уже на рассвете.

Не захотел он, чтобы посторонние видели то, что для их глаз не предназначено. А я, получается, для них уже свой, и это здорово.

Или, наоборот, все довольно невесело? И права Женька была, когда сказала, что отныне не совсем я уже и человек? Может, и правда я стал неким промежуточным звеном в эволюционной цепи всего сущего? И теперь меня можно выставлять в «дарвиновском» музее и вешать рядом табличку с надписью

«Ведьмак-недоучка обыкновенный».

Хотя лично я в себе никаких таких изменений не обнаруживаю. Зрачки вертикальными не стали, когти не растут, шерсть тоже, ем, пью и сплю как раньше. Все то же, что и было.

Ну кроме разве одного. Еще в начале лета мне бы и в голову не пришло пойти куда-то на реку, чтобы посмотреть на танцы русалок. Точнее – подобное я даже и представить себе не мог. Просто потому, что русалки для меня тогда были не более чем частью фольклора, который я, признаться, особо и не знал. Да и кто сейчас, в наше продвинутое время, интересуется бабушкиными небылицами? Реальность, окружающая нас, современных людей, нереальнее и фантастичнее любой, даже очень заковыристой, сказки.

Только вот от того, что мы перестаем верить в тех, кто живет на другой грани бытия, и даже забываем про них, они существовать не перестают. Более того – так мы делаем их существование комфортней, особенно для тех сущностей, которые рассматривают человека как добычу. Если, к примеру, оборотень схарчит кого-то, его точно никто искать не станет. Он ведь не более чем сказка. Ну или кинематографический персонаж. А пострадавшего просто собаки погрызли. Бывает.

Впрочем, обитатели моего нового мира и сами не сильно стремятся лишний раз пересекаться с людьми. Не просто же так дядя Ермолай ту троицу по лесу закружил? Я так понимаю, что не все происходящее вообще предназначено для посторонних глаз, даже при условии, что эти зрители кое-что знают про мир Ночи.

А зрелище было завораживающее. Ополовиненная луна светила так ярко, что казалась полной, дорожка, которую она прочертила на зеркально-тихой глади реки, была настолько явственна, что, казалось, даже я смогу пройти по ней и не утону.

Русалки, по крайней мере, кружились в танце по ней так же легко, как ночные бабочки порхают вокруг горящего фонаря. И даже то, что каждая из них слышала какую-то свою музыку, а для меня данное действо происходило в абсолютной тишине, которую не нарушал даже плеск волны, ничего не меняло.

Танец речных дев завораживал, их молочно-белые тела изгибались одновременно и девственно непорочно, и невероятно вульгарно. По идее, две эти категории не могут сочетаться, но вот же, есть.

Причем если танец этот изначально для каждой был свой, то постепенно в нем появилась слаженность. Одна за другой русалки начинали двигаться синхронно, одномоментно поднимать руки к небу, а после дружно опускать их к воде, которая чем дальше, тем сильнее отливала серебром. У меня в какой-то момент возникло ощущение, что они танцуют на раскаленной ртути.

– Вот и еще один год прошел, – раздался у меня за спиной голос, а после на песочек рядом со мной опустился, покряхтывая, дядя Ермолай. – Сейчас девки свое отпляшут и до следующей весны под воду уйдут, дрыхнуть. Потом лист облетит, а там и до «белых мух» рукой подать. Ты-то что, в городе зимовать думаешь? Или сюда переберешься?

– В городе, – не стал скрывать я. – Тут зимой жить привычка нужна. У меня пока такой нет.

– А и правильно, – против моих ожиданий сообщил мне лесной хозяин. – Всему свое время. Коли тебя пока к дому-от этому не тянет, так нечего себя переламывать да жить так, как до тебя все остальные ведьмаки жили. Ежели это не твое, так что же тебе, теперь тут костьми лечь? Времена изменились, парень, времена изменились. И мы меняться должны, иначе смерть. Не все, правда, это поняли и приняли, но то не моя печаль. Я для себя все уже решил.

В корень зрит дядя Ермолай. Я о том же сегодня днем думал. Там, в офисе, мне Лозовка казалась тем местом, где можно остаться жить навсегда. Здесь тишина, покой, солнышко светит, птицы поют, шмели жужжат.

Вот только лето – оно не вечно. Я вот когда предыдущей ночью ночевал на чердаке и продрог до костей, тогда понял, что зимой мне здесь небо с овчинку покажется. Прав был Вавила Силыч. Городским людям сельское бытие только из теплой квартиры с центральным отоплением прекрасным кажется. А запихни их в деревенский дом в январе, так и сдохнут они нахрен без тепла, воды и еды. Потому что забыли те простые способы существования, которые для наших предков были нормой жизни. За ненадобностью забыли.

И я тоже все забыл. Точнее – и не знал.

– Покон, правда, прежний остался, и ты про это помни. Крепко помни, – продолжал вещать дядя Ермолай. – Живи по нему, и тогда, может, следующим летом увидимся. В мае приезжай, я тебя на одну делянку отведу, там как раз под Ивана Купалу разрыв-траву можно найти будет.

– И еще цветение папортника посмотреть неплохо бы, – припомнил я Гоголя.

– Чего? – удивился лесной хозяин. – Ерунда какая. Парень, папортник не цветет. Никогда.

– Ну а как же… – было начал я, но после махнул рукой и снова уставился на русалок, которые, тем временем, похоже, входили в финальную стадию танца.

Все они в какой-то момент, известный только им, застыли на месте, протянув руки к нестерпимо ярко сияющей луне, и дружно прокричали какие-то слова, разобрать которые я не смог, поскольку это был совершенно неизвестный мне язык. Да и не факт, что это вообще была человеческая речь.

А после русалки исчезли, только круги по водной серебряной дорожке пошли. Были они – и нет их.

– Вот и все, – сказал дядя Ермолай, стянул с головы старомодную замызганную кепку-«восьмиклинку», и погладил короткопалой рукой лысину, обнаружившуюся под ней. – Скоро и мне лес к зиме надо начинать подготавливать. Оно, парень, всегда так – первыми ко сну речные девки отходят, опосля полевые в норы забиваются, потом, стало быть, болотный хозяин чарусьи закрывает, а после и моя очередь приходит.

– А ведьмы? – полюбопытствовал я. – Они чего зимой делают?

– Ведьмы? – дядя Ермолай хохотнул. – Этим закон не писан, им что зима, что лето, все едино. Разве что в сорок они по холодному времени не перекидываются. Лапы у них тогда мерзнут сильно.

– Ой, блин, – вспомнил я внезапно о подарке, который привез из Москвы русалкам, да так и не отдал. – Гребешки-то! Они ж просили, я специально купил и запамятовал!

Открыв рюкзак, который я положил рядом с собой на берегу, я достал пакет с разноцветными длиннозубыми расческами. Продавщица в магазине заверила меня, что это те самые «гребешки» и есть.

– В воду бросай, – посоветовал мне Лесной Хозяин. – Поверь, речные своего не упустят. Ну а «спасибу» они тебе следующей весной скажут. Да и не за нее ты, чай, старался?

– Конечно, нет, – подтвердил я, а после сделал так, как он мне посоветовал, то есть выгреб гребешки из пакета, да и отправил их в реку, постаравшись размахнуться посильнее. – Только ведь это пластмасса, они ж, небось, не утонут даже.

Гребни плеснули по воде, и, против моих ожиданий, моментально пошли ко дну. Или их просто кто-то с поверхности сразу расхватал?

– Странно, – сказал тем временем дядя Ермолай. – Девки нырнули, а водная тропа не погасла. Что за… А-а-а-а-а! Понятно.

Посреди лунной дорожки, которая и на самом деле так и не пропала, взбурлила вода, а после появилась одна из русалок, та самая Аглая, которая меня сюда и пригласила.

– Вон оно чего, – огладил бороду дядя Ермолай – Ну, парень, вот тебе и загадка, которую окромя тебя никто не решит. Как ни поступи – все одно не поймешь, верно или нет сделал. Ты, главное, помни, – русалки – не упыри, тебя с собой на ту сторону не утащат. Ладно, пойду я, на твоих приятелей гляну, как они там, в лесу, себя ведут. Неровен час, еще на проклятый клад набредут да выкапывать его начнут.

Он хлопнул меня по плечу, ухмыльнулся, глядя на Аглаю, которая не торопясь брела по лунной дорожке к берегу, и беззвучно нырнул в кусты, что росли неподалеку от нас.

– Телепортация как она есть, – негромко произнес я, понимая, что сейчас дядя Ермолай уже не здесь, на берегу реки, а где-то посреди своего леса.

Я тоже так хочу уметь. Но – не судьба. В мире Ночи закон «каждому свое» выполняется безукоризненно. Ведьмы умеют летать и портить окружающим жизнь, русалки топить беспечных граждан, зыбочник детей пугает, полуденица следит за соблюдением селянами норм трудового законодательства, а я, ведьмак, с мертвыми общаюсь, в соответствии со своей узкой специализацией, и зелья варю по мере сил. Кому что Поконом предписано, тот то и делает.

Аглая тем временем уже добралась до берега, и теперь стояла напротив меня. Кожа у нее стала куда бледнее, чем тогда, в начале августа, да и вообще в ней некая полупрозрачность появилась. Если в прошлый раз иных из русалок от обычных женщин было не отличить, то теперь сразу было ясно, что эта красотка не слишком-то относится к привычному тварному миру.

– Ты пришел, – улыбнувшись, негромко проговорила Аглая.

– Так обещал же, – подтвердил я. – Да и здоровались мы уже. Еще до того, как вы пляски на воде устроили.

– Ты поможешь мне уйти? – требовательно спросила русалка.

Все как всегда. Мне задают вопрос, ответ на который я дать не могу, поскольку не очень понимаю, о чем меня спросили.

Хотя тут слово «уйти» множественности значений и не подразумевает. Надоела девушке русалочья жизнь, выходит.

Вот только она не мертва. Она не дух, я не смогу ее отпустить. Ну да, живой ее не назовешь, но даже та не-жизнь, что в ней сейчас есть, уже достаточна для того, чтобы не считать ее моим клиентом.

– И что надо сделать? Ну чтобы ты ушла? – уточнил я – Просто у меня профиль другой…

– Люби меня, – перебила меня Аглая, приложив ладони к моей груди. Холод, исходящий из них, моментально проник сквозь ткань. – Отдай мне часть своего тепла, мне нужно всего мгновение, чтобы ощутить себя живой, и тогда моя душа отправится за кромку. Навсегда. Навеки.

А вот теперь, дядя Ермолай, я понял, чего ты так хмыкал. Задачка-то и вправду не из простых. Но спасибо тебе уже за то, что дал понять одну очень важную вещь – моя жизнь Аглае не нужна. Если бы не эта подсказка, сразу бы «нет» прозвучало.

Теперь же если сомнения и есть, то в основном морально-этического и физиологического характера. То есть – надо ли оно мне вообще, и если да, то все ли выйдет как надо технически? Нет, так-то осечек по этой части у меня не бывало, но то ведь с живыми? А эта хоть и симпатичная, но холодная как лед, и вон сквозь нее так и не пропавшую серебристую дорожку на воде немного видно.

– Если ты мне откажешь, то я пропала, – немного застенчиво проговорила Аглая. – У каждой из нас есть только один шанс обрести покой. Любая русалка может позвать живого человека посмотреть наш последний летний танец, а после предложить ему лечь с собой. Он доброй волей должен согласиться сделать это. И если это случилось, то душа той русалки освободится от проклятия, что ее в реке держит. Но сделать такое русалка может только раз, второго шанса не будет.

– То есть? – уточнил я.

– Обратно в реку мне теперь нельзя, я же отказалась от подаренного мне посмертия. Так что утреннее солнце сожжет тело сразу же после восхода, – как-то очень просто пояснила Аглая. – А то, что от меня останется, будет до скончания веков мотаться по дорогам в виде пылевого вихря, вместе с такими же бедолагами, которые никому не нужны. Но я на тебя зла держать не стану, если ты мне «нет» скажешь. Я же все понимаю. Да и себя жалеть не стану, это был мой выбор. Просто не хочу я больше в реке, не могу. Лучше вихрем по дорогам, чем…

Договорить я ей не дал, поскольку решение для себя принял. Правда, имелись поначалу все же кое-какие сомнения, но – не оплошал. Хотя, возможно, дело

было еще и в пикантности происходящего. Шутили про интим с русалкой многие, но кто может похвастаться, что он у них на самом деле был?

Я вот теперь могу.

Закончилось, правда, все довольно неприятно. В какой-то момент лежащая подо мной девушка выгнулась дугой, ее тело, до того призрачно-бледное, на секунду налилось краснотой, а еще она охнула, но, что примечательно, не так, как предполагал данный момент. Это, скорее, был предсмертный возглас. А секундой позже я понял, что лежу на чем-то склизком, мокром и пахучем.

Это были останки давным-давно сгнившего человеческого тела. Как видно, все, что осталось от русалки Аглаи.

Я вскочил на ноги и начал шустро отряхивать с себя какие-то зеленоватые ошметки, водяных жуков и прочий дурно пахнущий мусор.

В этот момент моих щек коснулся легкий ветерок, и я услышал еле различимый шепот: «Свободна! Спасибо! Прими мой дар».

Сразу скажу – что за дар я от Аглаи получил, для меня так и осталось загадкой. Я и голову потом в воду засовывал, думал, что, может, дышать в ней смогу, и с рыбами пытался общаться – все впустую. Как оно раньше было, так и сейчас осталось.

Может, что путное могли бы мои приятели из отдела 15-К подсказать, да только им я про произошедшее рассказывать не стал. Ни к чему им про это знать. Это личное.

А потом мы вовсе в город вернулись, где нам всем не до того стало. Мне так точно. Штука в том, что к моей основной работе добавилась еще одна, нежданная-негаданная. Вот правду говорят – вслух иными вещами шутить не стоит. Сказанное может быть кем-то услышано и стать правдой.

В моем случае так и произошло.

Глава вторая

О какой шутке я веду речь? О той, когда я сказал, что не пора ли открывать частную практику и делать деньги на нежданно-негаданно свалившихся на меня способностях.

Я тогда пошутил и забыл. А вот Ольга Михайловна, та, что носит фамилию Ряжская, обо мне взяла и не забыла. Если точнее говорить – сработала цепная реакция. Ей про меня жена покойного Семена Марковича рассказала, а она, в свою очередь, дала на меня наводку своей подруге, у которой, как назло, серьезные проблемы нарисовались.

Причем, заметим, даже не с загробным миром проблемы. Со здоровьем. Казалось бы – где я, и где здоровье этой гражданки?

Но кого бы это интересовало? Точнее – интересовало мое мнение?

Хотя – нет. Это я, пожалуй, вру. Ряжская действовала очень тонко и, я бы сказал, уважительно. Ну насколько подобное возможно по отношению ко мне, человеку не её круга и не её социальной прослойки. И не надо морщиться. Социальная дифференциация была, есть и будет, тут уж ничего не поделаешь. Даже наши дикие предки, те, что в пещерах жили и мамонтов гоняли, и те делились на группы по степени полезности для первобытнообщинного социума.

Другой разговор, как к этому относиться. Можно булькать, подобно чайнику, и исходить на яд, считая, что мир к тебе несправедлив, но при этом не делая ничего для того, чтобы что-то изменить. Еще можно пробиваться наверх, идя по головам и не жалея ни себя, ни других. Это путь воина, он тернист и опасен, но пройдя его до конца, ты имеешь все шансы получить большую награду. Правда, не факт, что она обрадует тебя, к тому времени издерганного, измученного и окончательно потерявшего веру в человечество победителя. И, наконец, можно просто определить свое место в системе мироздания, то, которое тебе идеально подходит и в битве за которое ты понесешь минимальные потери, а после с интересом наблюдать за первыми и вторыми. В последнем случае горних высот не видать, конечно, но нервы и здоровье сберечь можно.

Я, если честно, как раз из последних. По крайней мере – был еще в начале лета. То есть в мечтах, по дороге на работу или с нее, мне часто представлялся невероятный карьерный взлет, только вот делать для него вне грез мне ничего не хотелось. Потому как это было связано с массой разнообразных последствий, причем – нежелательных. Как минимум – пришлось бы много трудиться, забыв о сне и покое, что меня не очень устраивало.

Офисная жизнь – она как река. Ее питают десятки или даже сотни ручейков, которые внешне вроде бы и неразличимы в общем широком и мощном потоке, но при этом они есть. За внешним благополучным и дружелюбным фасадом любой более-менее крупной организации скрываются такие драмы, что Шекспир, узнав сюжеты иных из них, удавился бы от зависти. Куда там его «Гамлету» и «Макбетам», что их средневековые топорные интриги против нынешних офисных «многоходовок», иногда меняющих не то что штатное расписание, но и само лицо компании.

И если ты задумал занять место повыше своего теперешнего ранее того момента, когда шеф сам скажет что-то вроде: «А не засиделся ли у нас такой-то в своей должности? Пора бы и повысить парня», будь готов к тому, что мир для тебя уже никогда не станет прежним. Тебя ждут битвы почище, чем в Гражданскую войну были. Друзья будут становиться врагами, бывшие недоброжелатели – временными союзниками, ты узнаешь про себя и людей, с которыми ты работал бок о бок много лет, столько всякого, что волосы не только дыбом встанут, а, может, и вовсе нафиг выпадут.

Это не Спарта, приятель.

Это офис. Хуже того – российский офис. В нем законы бытия не писаны, а если и писаны – то не читаны. Это место, куда легко попасть, но из которого очень трудно потом морально выбраться. И даже если ты поменяешь работу, для тебя все равно уже ничего никогда не изменится. Этот яд проникает в каждую клетку твоего тела.

Ладно, отвлекся я.

Так вот – Ряжская.

Она появилась в банке ровно через час после того, как я туда сам заявился, бодрый и довольный жизнью после визита в Лозовку. Все-таки не так важно, сколько ты отдыхаешь, важно – как. Вот вроде бы, – всего-то два дня к выходным пристегнул – и чувствую себя великолепно. А бывает, и двух недель для восстановления угасших сил не хватает.

Раз на раз не приходится.

Вот, значит, сижу я, про себя хихикаю, рассказывая своим коллегам-девчулям про то, какую я знатную, прости Господи, рыбину поймал третьего дня на утренней зорьке, и тут в кабинет влетает Волконский.

– Чего сидишь? – говорит. – Тебя Ольга Михайловна наверху ждет.

Будто я должен про это непременно знать?

Но внутри сразу неприятное чувство шевельнулось. Ясно же, что не просто так она меня ждет, не для вручения дополнительной премии за хорошо выполненную недавно работу. Нет, премия – оно хорошо бы, конечно, но вот только расчет был ей произведен полностью, и продолжения наших отношений в скором будущем вроде бы не предвиделось.

А лучше бы и вовсе их не было. Вот только мои желания сроду никто не выполнял. Ими вообще редко кто интересуется.

– Саш, проси кабинет с окнами, – вдруг бухнула Наташка из-за своего стола. – Тебе теперь дадут. А сюда пусть вон, «залоговиков» пересаживают. Их не жалко. Тем более что они все равно постоянно в разъездах. Или бухают. Им здесь даже лучше будет, чем наверху. Тут от начальства подальше, а к туалету поближе.

Сказано было смело. Если эти слова дойдут до ушей «залоговиков», то есть специалистов кредитного отдела, проверяющих залоги, которые потенциальные заемщики готовы были предоставить банку как обеспечение кредита, то мало Федотовой не покажется. Народ из этого подразделения славился беспощадностью и безжалостностью по отношению ко всем представителям рода человеческого, причем невзирая на лица. Работа у них такая. Сострадание к ближнему своему им неведомо, как и большинство других чувств, присущих разумному существу.

И – да. Бухали они по-черному, что есть – то есть.

– Федотова! – стукнул пальцем по столу Волконский. – Что за разговоры?

– Тоже мне секрет этого… – Наташка пощелкала пальцами, которые были унизаны колечками. – Полушенеля.

– Полишенеля, – поправила ее Ленка, подкрашивающая глаза.

– Вот-вот, – благодарно кивнула Федотова. – Его самого. Дмитрий Борисович, все уже давным-давно знают, что Ряжский собирается в перспективе заходить в банк деньгами, причем сразу на контрольный пакет. А если уж наш Сашуля в дружбе с его женой, так чего бы нам этим не попользоваться?

– Кто «все»? – сменил тон с относительно-добродушного на зловеще-мрачный постепенно начинающий звереть Волконский. – Давай, отважная наша, фамилии мне назови этих «всех». Я, зампред, ничего, выходит, не знаю, а некие все и лично госпожа Федотова – знает. Ну?

– Здесь камер нету, – без тени смущения сообщила ему Наташка. – Так что эта речь Силуяновым засчитана не будет. И потом – чего ты так взвился? Я же не место зампреда Сашку попросила для меня или Ленки выпросить, а кабинет с окнами. На твое кресло никто не претендует. Саш, ты же смещать Дмитрия Борисовича с поста не планируешь?

– Не язык, а помело, – пожаловался я Волконскому. – Даже как-то начинаешь думать о том, чтобы не нам на троих кабинет выпросить, а себе на одного. Как думаешь, Дим, такое возможно?

– Еще как возможно, – вместо него ответила Денисенкова. – На центральном этаже рядом каморка есть, в ней ведра всякие лежат, тряпки, химикаты. Вот ее тебе и отдадут. А мы с Наташкой будем туда приходить и в тебя плевать, предателя эдакого.

– В самом деле – гад какой! – поддержала ее Федотова. – Мы тут, пока его нет, сами себе за едой в магазин ходили, вместо того чтобы над тобой, иудой, глумиться, друг над другом издевались – и на тебе. Вот она – благодарность за

верность. Вот как истинное лицо иных разных вылезает наружу!

– Нет уж, Сашечка, – Денисенкова щелкнула косметичкой, встала из-за стола, подошла ко мне и взяла меня под локоток. – Мы с Натали твой пожизненный крест, так что неси его с достоинством и смирением. Причем неси в новый кабинет, с окнами. Я еще одну зиму без солнца не вынесу. Зачахну, как цветочек без полива.

– И правда, мелют сами не знают чего, – вздохнув, признал Волконский. – Без какого солнца?

– Да хоть какого! – Денисенкова второй рукой, свободной от моего локтя, взъерошила мне волосы. – У нас тут окон нет, а день зимой короткий. На работу идешь – еще темно. С работы идешь – уже темно. О наличии белого дня на улице узнаешь только из новостей. Сашка, проси кабинет, тебе говорю. И тогда я знаешь что для тебя сделаю?

Ее тон приобрел интимные оттенки.

– Боюсь представить, – поправил я галстук, а после по возможности мягко отцепил ее руку от себя.

– Я скажу всем, что твоя мужская сила соизмерима только с твоим же непостижимым для среднего ума чувством юмора. Совру, конечно, но что не сделаешь для родного человека?

– Чего это – «совру»? – даже обиделся я. – Может, оно так и есть.

– Ну не буду же я проверять? – фыркнула Денисенкова. – Я за годы, проведенные с тобой в одном помещении, перестала в тебе видеть мужчину и начала видеть что-то вроде родственника. Собственно, я тебя и созерцаю чаще, чем любую родню, по восемь-десять часов пять дней в неделю. А инцест – это не по моей части.

– Заметь, Сашка, я молчу, – сообщила мне Федотова и сделала губы сердечком. – И ничего такого не говорю. У меня просто моральных принципов меньше. А кабинет с окошечком в большой мир, полный свежего воздуха, очень хочется.

Так хочется, что этих самых принципов вообще почти и не осталось!

– Пошли, – рыкнул Волконский и уволок меня из кабинета. – Или это словоблудие никогда не кончится. Да и Ольга Михайловна заждалась уже. Она тебя, между прочим, уже третий день разыскивает. Мы дозвониться пытались, но у тебя телефон отключен был.

Ну да, я его вырубил еще в электричке, рассудив, что все, кто меня может разыскивать, уже здесь, а все остальные, включая неугомонную Маринку, перебьются. Я вообще как-то проще в последнее время стал относиться к подобным вещам. Раньше, помню, если телефон сел где-то на улице, так я сразу начинал переживать, что кто-то может позвонить, а я это пропущу. Правда, как правило, никто не звонил, потому что я никому особо и нужен не был.

А теперь… Кому надо – тот меня найдет. А если не найдет – подождет. Вот Волконский же подождал? И, кстати…

– Слушай, Дим, а откуда Ряжская узнала, что я на службу вышел? – невинно спросил я у зампреда.

– Я ей позвонил, – как нечто само собой подразумевающееся сообщил мне Волконский. – Откуда же еще?

Вот за что я люблю нашего зампреда, так вот за эту его простоту. И ведь не возмутишься даже. А что ему предъявишь? Он же не за спиной крысятничает, он же по-честному все мне сказал. И с его точки зрения он поступил абсолютно правильно.

Ряжская обосновалась все в том же ВИП-кабинете, она восседала на кресле, попивая кофе и беседуя с невысокой миловидной дамой, как видно – подругой.

Была эта подруга моложе ее лет, наверное, на пятнадцать, но при этом выглядели они ровесницами. Просто у этой юной еще совсем женщины очень уж вид был бледный и болезненный.

– Ольга Михайловна! – голосом человека-праздника радостно гаркнул Волконский. – Вот и Смолин. Так сказать – доставил в целости и сохранности!

– Добрый день, – негромко произнес я, уже одним своим тоном давая понять женщинам, смотрящим на меня, что радости от нашей встречи я не испытываю. Подруга Ряжской, правда, мне знакома не была, но, по сути, это ничего не меняло.

– Саша, здравствуй. – Ряжская поставила чашечку на блюдечко, а блюдечко на стол. – Мы тебя заждались. Я уж хотела службу безопасности мужа подключать, так волновалась. Чтобы в наше время у человека мобильный телефон был выключен, это, знаешь, ли, как маячок о чем-то нехорошем. Если бы сегодня не появился – дала бы им задание тебя разыскать.

– Да куда он денется, – задушевно произнес Волконский и приобнял меня за плечи. – Ольга Михайловна, смею вас заверить…

– Дмитрий, спасибо вам, – Ряжская выдала свою фирменную улыбку. – Думаю, что мы не будем далее воровать ваше время. Я знаю, сколько вы делаете для этого банка, знаю, что он, по сути, заменил вам дом и семью, и очень ценю это. Как и мой муж, с которым я этот вопрос уже обсуждала. Кстати, подробности о вашем трудолюбии мне стали известны благодаря Александру. Он, знаете ли, считает вас не просто коллегой, а своим другом, а потому много и искренне о вас рассказывал.

Щеки Волконского покраснели, а аристократический нос побелел. Оно и понятно – ему только что дали понять, что если кадровые перестановки и будут, то его они точно не коснутся. А может, даже он еще и в плюсе окажется.

Ну и мне она вроде как тоже оказала услугу. Нет, Волконский, естественно, понял, что ничего я Ряжской не говорил, но читать между строк умеет любой из офисных обитателей. Больше скажу – здесь без этого умения существовать очень сложно, не сказать – невозможно. Тут никто ничего впрямую не говорит, все на полутонах строится и на полунамеках.

Волконский, например, владел этим талантом в совершенстве, потому самый главный посыл слов Ольги Михайловны распознал верно.

– Пойду, – тактично заметил он, покидая кабинет. – Утро, дел полно.

И аккуратно притворил за собою дверь.

В кабинете установилась тишина. Ряжская смотрела на меня с улыбкой, ее спутница с настороженностью и даже, как мне показалось, с небольшим испугом, я же вовсе ни на кого смотреть не хотел, потому уселся на кресло и уставился в окно.

Права Наташка. Все-таки сидеть в четырех стенах без доступа солнечного света – это для человека противоестественно. Даже если он уже и не совсем человек.

– Сейчас лопнешь, – иронично сообщила мне Ряжская. – Я серьезно. Ты просто себя со стороны не видишь.

– Не выспался, – буркнул я. – Вчера домой приехал поздно, устал. А на работу мне приходить надо ни свет ни заря.

– Саш, это Зоя, – Ольга Михайловна показала рукой на свою спутницу. – У Зои большие проблемы.

– Всей душой скорблю с вами, Зоя, – приложил я руку к сердцу и глубоко вздохнул. – Мои соболезнования. Увы, но мы все когда-нибудь уйдем туда, откуда возврата нет. Никому и ничему нет!

– Ольга Михайловна, это он о чем? – глаза Зои наполнились слезами. – Это он мне смерть предсказывает, да? Смерть?

Голос подруги Ольги Михайловны истерически задрожал.

– Саша! – погрозила мне пальцем Ряжская. – Ты что мне девушку пугаешь?

– Вот сейчас не понял, – перевел я взгляд на нее. – Так у нее чего, никто не помер?

Зоя издала полувсхлип-полустон, из глаз у нее потекли слезы.

– Нет. – Ряжская достала из рукава кружевной платочек и сунула его подруге. – Представь себе. Но если ты продолжишь вот так ее нервировать, то я ни за что

не поручусь. Особенно учитывая то, кто ее родной брат.

– Боюсь спросить, – вздохнул я.

– Звонарев, – произнесла Ольга Михайловна, сделав бровями некое движение класса: «Представьте себе, представьте себе». – Тот самый, который охранные агентства, «Ваша инкассация» и прочее разное.

Знаю, слышал. Еще, по слухам, этот самый Звонарев поставляет бойцов на подпольные бои, «отбойщиков» рейдерским компаниям и просто крепких ребят всем тем, кто способен заплатить за их кулаки. Знаменитая личность. Причем слава его еще с лихих 90-х тянется.

……И – да, доводить до истерики сестру такого человека это верх неблагоразумия. Подобное может быть сильно чревато боком. И потерянными зубами. И сотрясением мозга. Или еще чем похуже. У человека в теле порядка двухсот костей, так что ребятам со сбитыми костяшками будет где разгуляться на моей тушке.

Будь ты хоть трижды ведьмак, против нескольких профессиональных костоломов тебе все одно не устоять, особенно если тебя подловили внезапно.

Ну и хитра эта Ряжская. Ох, и хитра. Точнее – умна. Она ведь сейчас не просто подруге помогает, она меня приручает. Хотя это не то слово. Правильнее – дрессирует. Кнут и пряник. А потом: «К ноге».

Ладно, пусть пока будет так, как она хочет. Тем более что сейчас у меня особо выбора и нет, этой бледной девице я и впрямь не могу отказать. Ряжская не шутит, если я сейчас взбрыкну, она из принципа может сделать так, что господин Звонарев уже сегодня скомандует «фас» своим волкодавам.

Но это ничего не значит. Память у меня профессиональная, так что я в ней зарубочку сделаю. И непременно при случае расплачусь по этому счету.

Не надо так со мной поступать. Я даже до того, как силу получил, не сильно любил, когда мной манипулируют. А уж теперь, после всех летних треволнений и проказ хитроумного Нифонтова, и вовсе выхожу из себя в подобных ситуациях.

Правда, особо этого не показываю. Нет, тогда на съемках я сорвался, высказал Николаю все, что о нем думаю. Сейчас и здесь я так не поступлю, я промолчу. Не время и не место.

Но это не значит, что я забуду то, что Ряжская сейчас сделала. И в какой-то момент ее будет поджидать неожиданный сюрприз. Не знаю пока какой, но в моей ведьмачьей книге много разного всякого есть. Может, это случится через месяц, может – через год. Я умею ждать, когда это необходимо. Что-что, а это-то я как раз умею делать очень хорошо. Главное – не спешить и дождаться нужного момента, наиболее оптимального для реализации задуманного. Вот наш предправ, например. У него рожу перекосило зверским образом тогда, когда меня на работе уже не было. Я в тот день как раз отбыл в Лозовку. Как мне рассказали Наташка и Ленка, он своим внешним видом до судорог перепугал личного референта и забредшую к нему в приемную по каким-то своим делам Чиненкову. Причем последняя чуть в обморок от увиденного не грохнулась, когда поняла, что наш руководитель не шутки шутит, а так теперь на самом деле выглядит.

Сидит теперь Сергей Станиславович дома, на работу носа не сует и большие деньги тратит на разнообразных мануальщиков и тому подобных специалистов. Он думает, что это у него нерв лицевой схватило, от непомерных интеллектуальных потуг.

А всего-то для проведения этой акции возмездия и надо было знать то, что секретареныш его лентяйка каких свет не видел. Причем тут это? Просто она утром его личную «турку» для приготовления кофе лишний раз мыть не будет. А значит, в кофе нашего лидера непременно попадет зелье, которым я обмажу ее края. То самое зелье, что Митрий придумал, от которого «рожу же сковеркает тако, что страх».

Все так и вышло. И «сковеркало», и страх имел место быть.

Я всегда свое слово держу. Пообещал ему соли на хвост насыпать – получите и распишитесь.

И Ряжской того же не миновать теперь. Вот если бы она просто пришла и сказала: «если сможешь – помоги», возможно, я бы и не послал ее. Как минимум – выслушал. В конце концов, деньги лишними не бывают. Но так-то

зачем? Я не карманный маг при ее империи.

Кстати, красиво было бы к ней ее мамашу послать. Не на поговорить, а на постращать, я в книге недавно одно интересное заклятие вычитал на эту тему. Оказывается, неупокоенные души можно на некоторое время подчинить себе, заставив их выполнять то, что тебе хочется. Нет, никакой материальной выгоды получить из этого невозможно. Банк они для тебя не ограбят и человека не убьют, ибо призраки бесплотны. Но вот что-то подслушать, подсмотреть, кого-то напугать они могут замечательно.

Мне просто снова с Хозяином Кладбища, на котором лежит ее матушка, связываться неохота, а то бы я расстарался. Заклятие действует не очень большое количество времени, но пару часов веселья и загробных завываний я бы Ольге Михайловне гарантировал.

Но – пока никак. И до души ее маменьки мне не добраться, да и сообразит Ряжская, откуда ветер дует. Не с руки мне с ней сейчас ссориться. Неравные у нас силовые категории. Уроет она меня, проще говоря, за такие вещи. В прямом смысле слова.

– Прошу прощения за каламбур – звонкая фамилия, – наконец ответил я. – Вот только непонятно – чем я могу быть полезен этой даме? Особенно если учесть, что у нее, слава богу, никто не умер?

– Саша, – Ряжская умильно вздохнула. – Я ведь знаю, ты способен не только на то… Э-э-э-э… Что способен. У тебя ведь и других талантов много, правда?

– В пинг-понг неплохо играю, – подтвердил я. – Первый юношеский. В детстве в хоре пел, говорят – хорошо. Правда, потом у меня голос начал ломаться…

– Александр, мне казалось, что мы еще в прошлый раз прекрасно поняли друг друга, – в голосе Ряжской появились жесткие нотки. – А ты, я погляжу, снова начинаешь валять дурака.

– Все так, – кивнул я. – Полностью согласен. И мне казалось, что в прошлый раз мы прекрасно поняли друг друга. Однако же мы снова здесь, в этом кабинете, и вы опять требуете от меня того, что я не в состоянии вам дать.

– В состоянии, – отчеканила Ряжская. – Ты – в состоянии. Я это знаю, и ты это знаешь. И мне совершенно непонятно, почему ты сейчас снова упрямишься. В конце концов, я не прошу у тебя свершения невозможного. Мне не нужна звезда с небес, точные координаты никем не открытой кимберлитовой трубки в Якутии или свержение политического строя в России. Я просто прошу тебя помочь вот этой несчастной девочке, которая скоро на себя руки наложит от безнадежности. Причем, заметь, не без выгоды для тебя. Материальной выгоды.

– Да-да, – засуетилась Зоя, шмыгая покрасневшим носиком. – Деньги у меня есть.

Она извлекла из своей сумочки плотный конверт и положила его на стол, прямо передо мной.

Я закинул ногу на ногу и уставился на Ряжскую, стараясь при этом не мигать. Ну и еще придать взгляду некую зловещесть.

– Будем считать, что мы договорились, – не обращая на это внимания, произнесла Ольга Михайловна. – Саша, у Зои, как я и сказала, проблема. Она не может забеременеть.

– Кхмммм! – не выдержал я и закашлялся. – Чего? А я-то тут чем помочь могу? Это вам к докторам специальным надо, в репродуктивные центры! Анализы там посдавать. ЭКО, наконец, сделать!

– А ты неплохо осведомлен, – прониклась Ряжская. – Редко увидишь мужчину, который знает, что такое ЭКО.

– Я работаю в женском коллективе, так что ничего удивительного. Посидите с мое в компании с двумя балаболками, не такое узнаете.

– Была, – жалобно сообщила мне Зоя. – В клиниках лежала, и в наших, и в швейцарских, и в австрийских. Говорят – нет, не получится у вас ничего. Природой материнство во мне не заложено. Муж… Он…

И подруга Ряжской снова захлюпала носом.

Ну дальше понятно. Муж вот-вот уйдет, и ему даже брат не указ.

Самое забавное, что помочь я ей, скорее всего, могу. Рецепт соответствующего зелья у меня в книге есть, причем сильно старый, он еще чуть ли не на старославянском написан. И компоненты для него есть, даже мандрагыр. Я его из Лозовки как раз привез, мне Родька этот небольшой кусочек корня как величайшую ценность вручил. Кстати – в мой прошлый визит он этого делать не стал, а теперь, как видно, что-то для себя решив, показал мне все секретные закрома своего бывшего хозяина.

Опять же – новолуние скоро. Насколько я помню, там не только зелье важно, но и то, когда и как женщина его употребит. Пить его следует как раз тогда, когда от луны на небе остается только самая малость и непременно в полночь, после чего без промедления необходимо… Ну, думаю, все поняли, что именно необходимо. При соблюдении этих условий шансы на успех велики.

Можно все это проделать и при других фазах луны, но тут уже как повезет. В мандрагыре сила велика, но от луны зависит очень, очень многое. По крайней мере, именно так написано в книге.

– Я знаю, о чем ты думаешь. – Ольга Михайловна, не особо скрываясь, следила за мной. – Саша, поверь, я не стану дергать тебя после этого по каждой мелочи. Мне правда очень хочется помочь Зое. Она моя давняя подруга, я ее с детства знаю. С ее детства. Мой муж и ее брат давние партнеры по бизнесу, они еще тогда, в том веке, вместе начинали. Ты даже не представляешь, как это сплачивает людей, особенно в нашей стране. Потому Зоя мне как родная, и ее счастье для меня очень важно.

Возможно, она и не врет. Точнее – не во всем она врет, полагаю, что ей в самом деле небезразлична судьба этой девушки. Но в приоритете у нее другие цели, и сегодня она все-таки добьется успеха.

Просто «за» сегодня перевесили для меня «против». Отказавшись, я потеряю больше, чем могу приобрести. К тому же мне в голову пришла одна интересная идейка, которую потом надо будет как следует обмозговать.

– Помогите мне, – жалобно пробормотала Зоя. – Пожалуйста. Не знаю почему, но мне кажется, вы можете это сделать.

– Кабинет, – буркнул я, забирая конверт со стола. – С окнами. На троих. И еще чтобы место для шкафа было и ксерокс новый. И кулер! А еще кондиционер, тоже новый.

– Чего? – Зоя, захлопав глазами, уставилась на Ряжскую.

– Чего, чего, – заулыбалась довольно та. – Думаю, что родишь ты к следующему лету.

В новый кабинет мы с девчулями въехали уже на следующий день. Правда, отжали его не у свирепых «залоговиков», а у «свкашников», порядком их потеснив.

Что же до моих прогнозов на наши отношения с Ряжской – все вышло именно так, как я и предполагал. Точнее – пока не всё, но лиха беда начало. Раз в неделю, а то и чаще, она привозила ко мне кого-то из своих подруг, рассказывала душещипательную историю о бедственном положении этой дамы и просила помочь ей. Пока просила, не требовала, но это, полагаю, дело времени. Вот сегодня, например, она сама уже приезжать не стала, а всего лишь позвонила мне, сказав, что к половине шестого вечера ко мне подъедет некая Яна Феликсовна, что это чудо что за человек, и что ей ну никак не обойтись без меня.

И вот теперь я объяснял этой самой Яне Феликсовне, что приворот – это совсем уж не мой профиль, поражаясь хитроумности Ряжской. То, что она исследует пределы моей компетентности, я понял уже давно, поскольку случаи, которые мне она подбрасывала, никогда не повторялись. Но ради правды стоит отметить, что это было даже интересно, поскольку всякий раз я сталкивался с новой загадкой и вечерами подолгу экспериментировал с травами, добиваясь нужного результата.

Да и небезвыгодно, чего греха таить.

– Молодой человек, мне не нужно объяснять, что вы можете сделать, что нет, – довольно резко сказала женщина, причем голос ее звучал теперь на редкость неприятно. – Я вам плачу, так что будьте любезны!

Интересно, а у нее муж кто? Впрочем, чисто по-мужски я его отлично понимаю. От такой и я бы сбежал. Нет, внешне дама очень даже ничего, и фигура для ее возраста на загляденье, но характер – это что-то!

Хотя – а кто мне мешает свалить отсюда прямо сейчас? Тем более, что пока тянулись суд да дело, и рабочий день кончился. Домой пора.

– Разве вы мне давали какие-то деньги? – вставая, спросил я у женщины. – Не было такого. И мне они от вас не нужны, потому что я не стану вам помогать. Всего доброго.

– Что? – непонимающе спросила женщина у моей спины. – Ты куда? А ну, вернись!

Но этого я делать вовсе не собирался. И вообще – интересно посмотреть, как на подобный демарш с моей стороны отреагирует Ряжская. Она исследует меня, а я немного поисследую ее. В хорошем смысле этого слова.

Судя по пиликающим звукам, Яна Феликсовна спешно набирала свою подругу, но подслушивать ее разговор с Ольгой Михайловной я не стал. И в самом деле пора было идти домой.

И ведь удалось бы мне это сделать, кабы не Силуянов.

Глава третья

Безопасник ждал меня в коридоре, неподалеку от моего нового кабинета. Он ласково улыбался и даже раскинул руки в стороны, показывая, как мне рад.

– Смолин! Ты не поверишь, но у меня есть к тебе разговор!

– Давайте завтра? – предложил я. – Домой хочется. Подальше от офиса, поближе к телевизору и холодильнику.

– Сашуля, дорогой ты мой человечек! – буквально пропел безопасник. – Это банк! Здесь рабочий день ненормированный, если того требуют интересы дела. А в твоем случае они этого ох как требуют!

– В моем случае нет, – заявил я. – Хотелось бы напомнить, Вадим Анатольевич, что мы с вами работаем в разных службах. Если у вас есть какие-то вопросы, связанные с противодействием отмыванию доходов и финансированию терроризма, – то нет проблем. А если вы хотите на мне свое остроумие пооттачивать и немного потоптаться – так это дудки.

– Осмелел, – улыбка сползла с лица Силуянова. – Что, уверенности в себе добавилось? Самооценка повысилась?

– Не-а, – покачал головой я. – Просто понял, кого на самом деле опасаться надо, а кого нет. Вас не надо. Смысла нет.

Причем все сказанное и в самом деле было правдой. Чем дальше, тем больше у меня в голове смещались ориентиры, до того казавшиеся незыблемыми. Того же Силуянова я еще каких-то три месяца назад разве что не демонизировал, полагая всемогущим и всевидящим. Насчет последнего, впрочем, я был прав – камер он понатыкал везде, где только можно, обойдя стороной только те кабинеты, где они были совсем уж ни к чему, вроде нашего старого или туалета. Хотя я за это не поручусь.

А потом я так поглядел, подумал – а чего в нем такого страшного? Бродит по банку какой-то отставной служака и тешит свои комплексы, манипулируя людскими страхами. При этом по сути своей он никто. Ну вот что он сделать может? Накатать предправу пяток докладных? Пальчиком погрозить? Чужими руками рублем ударить?

Вот жуть-то! Нет, для меня тогдашнего подрезание зарплаты было бы крайне неприятно, но для меня сегодняшнего это даже не смешно.

А Силуянов молчал и смотрел на меня. Нехорошо так смотрел. Недобро.

– Много о себе понимаешь, Смолин, – наконец процедил он. – И берешь на себя тоже много. Банк в свою частную лавочку превратил. Не страшно, что кое-кто узнает, какие ты тут делишки проворачиваешь?

Хотел я ему кое-что ответить, да не успел. Телефон забренчал в кармане. Дозвонилась Яна Феликсовна до Ряжской, стало быть.

– Александр, – голос Ольги Михайловны был резковат, как на мой взгляд. Что за день сегодня такой, а? Все на меня бедного наорать пытаются. – Что ты там устроил?

В это время Силуянов показал мне рукой, что, мол, «давай, в кабинет мой пошли», и бодро затопал по коридору. Не скажу, что мне хотелось продолжать беседу с ним, но, с другой стороны, откажешь сейчас – он завтра занудит до невозможности. Легче пойти и пообщаться здесь и сейчас. Будем считать, что сегодня у меня день неприятных бесед.

– Отказался делать то, чего не хочу, – добавил холода в свой голос я, направившись вслед за безопасником. – И еще – я прекрасно понимаю мужа этой гражданки. Я бы от нее тоже сбежал.

– Это очень нужный нам человек, – требовательно произнесла Ряжская. – Будь любезен, сделай то, что она просит.

– Кому «нам», госпожа Ряжская? – уточнил я. – Вот конкретно? Вам и вашему супругу? Вам и банку? Вам и фонду защиты диких животных? Это все прекрасно, но меня ни в одном из этих списков нет. Мне эта женщина даром не сдалась. Ни в каком виде. Так что будет так, как я решил, и это не обсуждается.

Все-таки каким-то я конфликтным стал, надо признать. Вот раньше бы подумал: «да и ладно, чего нарываться, сделаю уж». И – сдался, махнув рукой. А теперь – откуда что берется?

Правда, раньше мне было чего терять. Теперь же – другой расклад. Вот говорят – «не в деньгах счастье». Может, отчасти это и верно. Счастья на них не купишь. Но вот независимость – запросто. Я за последние два месяца себе неплохой резервный фонд сообразил, если что, долго на этом подкожном запасе смогу существовать.

Ну а если припрет – можно подзаработать с помощью Нифонтова. Он мне в самом начале нашего знакомства на что-то такое намекал, и вот, совсем недавно

опять с разговорами на аналогичную тему подъезжал. Мол: «ты кое в чем нам поможешь, а мы тебе за это заплатим». Чем не вариант?

Другое дело, что мой друг из отдела 15-К хитроумен больно. Заплатит копейку, а работы выкатит на рубль. Изучил я его уже. Да и что в этих госструктурах за заработок может быть? Бюджетники же…

Ну и с банком, если совсем уж честно, расставаться пока не хочется. Он для меня как некий якорь, который пока удерживает баланс между моими старой и новой жизнями. Уйди я отсюда – и мой мир совсем уж изменится. Не могу сказать, что это меня очень пугает, но… Зима близко, холодный сезон. В это время хочется быть как-то поближе к людям. Опять же – корпоратив новогодний пропускать неохота. На нем бухгалтерия наверняка опять свое ежегодное шоу устроит. Не знаю как, но они умудряются каждый год всем коллективом раньше других нажираться в хлам, а потом отчебучивать такое, о чем весь банк до весны говорит. И, что примечательно, в проказах своих никогда не повторяются.

Так что мне и Ряжскую, и Силуянова послать в одно место труда, конечно, никакого не составит, вот только если что – мосты придется сжигать. А неохота.

Ряжская с минуту помолчала, а после, ничего не говоря, отключилась. В смысле – гудки в трубке запикали.

– Обиделась, наверное, – сказал я Силуянову, заходя за ним в его кабинет и убирая телефон в карман. – Женщины – они такие. Если что не по их, то сразу трубки бросают. Тяжело с ними иногда. А, Вадим Анатольевич? У вас с дамами как вообще? Слышал я, что вы к Немировой то и дело в гости захаживаете.

Молчал Силуянов, желваки по скулам гонял. Фамилию-то моей собеседницы он отлично расслышал и теперь прикидывал, какая муха укусила до того безропотного телка из отдела финансового мониторинга. С чего это он таким смелым стал?

– Дурак ты, Смолин, – наконец произнес он. – Корона тебе на мозг надавила слишком сильно и выдавила его через уши. Сынок, если кто твою задницу и мог прикрыть – так это Ряжская. А теперь съем я тебя, поганца такого. Скушаю. И даже твой приятель Волконский, который так часто тебя покрывает, не поможет.

А вот это новости. Я и не знал, что Дима за меня заступался. Надо же. В жизни бы не подумал.

– Слушайте, давно хотел спросить – что я вам плохого сделал? Вот за что вы меня так не любите? Денег взаймы безвозвратно я у вас не брал, жену не уводил, дом не поджигал. Зачем вам это все нужно? В чем причина?

Силуянов выслушал меня, а после, прищурившись, процедил сквозь зубы:

– Причина? Да нет никакой ярко выраженной причины. Просто мне такие люди, как ты, всегда не нравились. Те, что без руля, без ветрил, без царя в голове. Знаешь, здесь, в этом здании, работает много людей куда хуже тебя. Да что там – есть такие подонки, что после общения с ними руки с мылом мыть надо. Они за новую должность любого сожрать готовы – и доносы в ход идут, и откровенные подставы. Я это все вижу, но никогда таким не мешаю. Кроме тех случаев, разумеется, когда они совсем уж края видеть перестают. Но у этих людей есть цель и они к ней идут. Да, не очень красиво, да, бывает, что и по трупам. Но их можно уважать хотя бы за целеустремленность. И самое главное – они работают на результат. На общее дело. Их интересы совпадают с интересами банка. А ты… Смолин – ты не просто посредственность. Ты эталон посредственности. Лишний человек. Здесь – лишний. Да и не только здесь, а вообще, по жизни.

– Знаете, я вас раньше просто не любил, а теперь побаиваться начал, – запинаясь, сказал я. Причем даже без наигрыша. Притворяться смысла не было, он и вправду меня сумел изрядно смутить своими словами. – Вам, Вадим Анатольевич, лечиться надо. Сдается мне, у вас с головой не все в порядке. Это я сейчас не в плане оскорбления сказал, а вполне серьезно.

– Мне Немирова раз сто повторила, чтобы я тебя в покое оставил, – как будто не слыша меня, продолжал бубнить Силуянов. – Мол, ты теперь не тот, кем был, лучше поостеречься. Да это и так видно, а уж если послушать то, о чем ты в «переговорке» с подругами Ряжской разговоры ведешь, то и сомнений никаких в этом не останется. Но, как по мне, теперь ты еще хуже стал, чем раньше. Никчемушность твоя никуда не делась, а вот непонятного чего-то прибавилось. И это «что-то» – оно не от бога, правильно мне все сказали. Если тогда тебя еще кое-как можно было терпеть, то теперь точно нет.

Все-таки я угадал. Хоть Ряжская и убеждала меня, что ее прослушивать не посмеют, все вышло так, как я говорил. Он небось еще и писал все.

И это самая серьезная ошибка Силуянова. Не надо было этого делать. Есть такие тайны, в которые нос лучше не совать. Причем я сейчас говорю не об оккультном или мистическом, а о сплошь мирском. Просто подобные тайны принадлежат людям с большими деньгами и немалой властью. И подслушивать их ох как небезопасно!

– И что теперь? – спокойно спросил я. – Чего ради вы все это затеяли?

– Считай, что ты уже уволен, – отчеканил Силуянов. – Заступницы ты лишился, предправ наш то постоянно по каким-то переговорам бегает, то теперь вот и вовсе захворал, его в банке неделю как никто не видел, а Волконского вообще никто слушать не станет. Потому завтра, прямо с утра, я наведаюсь к Миронову, и положу на его стол докладную о той частной лавочке, что ты тут открыл. И о деньгах, которые ты не скрываясь за свои сомнительные услуги получал. Так что, Сашуля, тебе конец. По «статье» пойдешь, Смолин, по «статье». На «собственное желание» даже не рассчитывай!

Может, я на него своим давнишним проклятием не только кишечную хворь наслал? Может, я ему ненароком еще и мозг повредил? Просто все это очень смахивает на горячечный бред.

А может, все идет от ограниченности мироощущения этого бедолаги. Он привык жить в рамках должностной инструкции и служебных интересов. Он поставил перед собой задачу – спасти от моей персоны вверенный ему объект, и делает это. Как может, как умеет, как учили. Конечная цель – увольнение меня.

– Хорошо, – пожал плечами я. – По «статье» – так по «статье». Не проблема. Вам тогда полегчает?

– Да, – выдохнул Силуянов и прижал руку к животу. – Ох, как полегчает, Смолин.

И в этот момент зазвонил мой телефон.

– Прямо даже и не знаю, – глянув на экран, где пульсировало имя вызывающего меня абонента, сообщил я Силуянову. – С одной стороны, хочется мне вас порадовать. Вы хоть и совсем уж странноватый стали в последнее время, но зато с вами жить не скучно. С другой… Неохота мне пока увольняться. Ну вот нет у меня такого желания. Эх, жизнь, почему ты так сложна? Все время надо выбирать между чем-то и чем-то.

Мои слова, как видно, совсем уж разозлили «безопасника», поскольку он жутко побледнел и даже зубами скрипнул.

– Да, Ольга Михайловна, – тем временем холодно произнес в трубку я. – Если вы снова собираетесь мной покомандовать или пустить в ход какие-то аргументы, связанные с моей профессиональной трудовой деятельностью, то не стоит этот разговор даже начинать. Во-первых – я не ваш подчиненный. Во-вторых, теперь я даже не сотрудник банка, который вы покупаете. Три минуты назад меня уволили.

– Что за ахинея? – осведомилась у меня Ряжская. – Саша, я понимаю, у талантливых людей случаются перепады настроения. Так сказать – заскоки гения. Но будем честны друг с другом – вы ни разу не гений, потому давайте ограничимся тем, что мы уже до того друг другу наговорили, а после забудем про эти мелочи и станем работать дальше. То есть поступим как цивилизованные люди. Я даже готова сделать первый шаг и сообщить вам, что моя давняя и очень, очень хорошая подруг Яна уже покинула здание банка и больше вас не потревожит. Вот, видите, я признала вашу правоту. И искренне надеюсь на то, что буду услышана. Ну и на то, что ваше стремление к увольнению уже ослабло.

– Да у меня его вовсе не было, – рассмеялся я. – Ольга Михайловна, я вам не говорил, что увольняюсь. Я сказал – «меня уволили». Разницу ощущаете?

– О-о-очень интересно, – протянула Ряжская. – И кто это у нас так ретиво взялся за кадровый вопрос?

Я кинул взгляд на Силуянова, который снова прислушивался к нашему разговору. Вот и что мне с тобой делать? Шутки шутками, а я ведь сейчас на самом деле могу его в определенном смысле приговорить. Пара правильно сплетённых фраз – и Вадим Анатольевич через недельку, а то и раньше,

начинает искать работу. И хорошо еще, если он не по обещанной им же мне «статье» вылетит.

Странное ощущение, если честно. От меня раньше никогда никто вот так не зависел. Хотя бы потому, что до того никто меня и всерьез никогда не воспринимал, и мнения моего по серьезным вопросам не спрашивал. Максимум, девчули интересовались – идут им те или иные шмотки или нет. За мужика они меня, как я говорил, раньше не держали, скорее так, за декорацию, потому на игривые лифчики, купальники и чулки с поясами я насмотрелся вволю.

В последнее время, правда, подобными зрелищами они меня отчего-то не балуют, что даже немного грустно.

Ладно, не в ту степь меня занесло. Как мне с этим идейным товарищем быть? Топить или оставить? По-хорошему – топить надо, без раздумий. Нельзя сказать, чтобы он был моим врагом, глупо таковым считать этого служаку. Вот Дара – она враг. И колдун, сваливший за бугор, – он враг. Там все по-взрослому, по-серьезному, там и голову сложить можно.

А здесь… Да ну, ерунда какая.

И потом – серьезно, ведь без него ведь мне скучно будет.

Но, с другой стороны, – он-то меня не пожалеет, будь у него возможность мне насолить? Да уже не пожалел.

Как там у Шекспира было, в книге-жизнеописании Гамлета, принца Датского? «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток»? Надо послушать классика. Он знал, что говорил.

– Да имеется у нас один энтузиаст, – хмыкнул я. – За престиж банка ратует и его процветание, которое невозможно до тех пор, пока я здесь присутствую. От чистого сердца, прошу заметить, ратует.

– Фамилия? – требовательно спросила Ряжская.

– Силуянов, – скорчив «безопаснику» рожу из раздела «а что я могу поделать?». – Начальник охраны. Очень он недоволен тем, как я в последнее время службу несу. И моими побочными, не входящими в штатное расписание, занятиями крайне раздражен. Скорее всего потому, что у него разрешения никто не спросил, а он привык себя хозяином в этом здании чувствовать.

– Даже так? – было слышно, что Ряжская усмехнулась. – А, может, еще потому, что ему долю малую никто не заносит?

Вот тебе и раз! Сдается мне, что ситуация принимает забавный оборот. Ольга Михайловна, судя по ее тону, решила, что я сейчас собираюсь ее руками убрать того, кто мне не нужен. Я-то говорю правду, а она в нее не очень верит.

Вот интересная все-таки у нас жизнь! В каждом слове, в каждом поступке всегда есть не только второе, но и третье дно. И как раньше наши предки-собиратели в первобытные времена жили без этого? Ну говорили что думали, делали что должно, верили в правду и справедливость.

Скучно им жилось, должно быть. Неинтересно.

– Про последнее ничего сказать не могу, – открестился я. – Мне он о подобном не говорил. Но зато я понял из его слов, что он держит под личным особым контролем все, что происходит в «переговорке». Детально. До мелочей. И то, что он видит и слышит, ему очень, очень не нравится. Настолько, что завтра он собирается сделать доклад о происходящем господину Миронову. То есть – председателю совета директоров банка.

– Он идиот? – в голосе Ряжской прозвучало искреннее недоумение. – Я не о Миронове, я о Силуянове. Этот человек и вправду слушал наши разговоры? Зная, кто я такая?

– Он у нас такой, – с гордостью сказал я, подмигивая Силуянову. – Нет для него ни авторитетов, ни преград. Мы его тут так у нас и зовем: «Железный Толич». Производное от Анатольевича, соответственно.

Силуянов сделал бровями некое движение, которое можно было истолковать как «серьезно?». Я подмигнул ему, провел большим пальцем по горлу, после потыкал указательным ему в грудь и скорчил печальную физиономию. Так

сказать – обозначил ситуацию.

Силуянов встал и прикрыл дверь в свой кабинет, которую, входя, я оставил открытой.

Мне это очень не понравилось.

– Правильнее было бы говорить «дубовый», – уточнила Ольга Михайловна. – И не очень-то следящий за внешней политикой банка. Про Миронова он может забыть, так ему и скажите. Нет, формально Дмитрий Александрович еще председатель совета директоров, продажа акций не ведет к лишению полномочий, там все надо протоколами будет оформлять, на подобное время нужно. Но фактически он в банке больше никто. Пятьдесят пять процентов его акций «СКД-банка» теперь принадлежат холдингу «Р-индастриз». Я, собственно, потому с Яной и не приехала, что хотела при этой сделке присутствовать. Добавьте сюда еще двадцать процентов, что мы у одиночных миноритариев скупили, и осознайте, чьи теперь в лесу шишки. Только не раздувайте щеки раньше времени, дело не в вас. Мы эту сделку давно готовили.

– Новости! – вынужден был признать я. – Поздравляю с приобретением!

Силуянов сейчас напоминал мне большого дворового кота. Если бы у него была шерсть, она бы уже стояла дыбом, а спина выгнулась дугой. Он уже учуял, что что-то пошло наперекосяк, только пока не понимал, что именно.

– Спасибо, – равнодушно ответила Ряжская. – Не с последним, надеюсь. Но это ладно. В принципе, я этого вашего «железного дровосека» прямо сейчас очень огорчить могу. Как было сказано ранее – мы, в определенном смысле, партнеры, а потому ваши интересы совпадают с моими. Вот только нужен ли вам этот цирк? Я составила о вас впечатление как о человеке, для которого смысл происходящего важнее внешних атрибутов. Суть здесь в том, что вас, Саша, из этого банка теперь может уволить только один человек.

– Вы? – уточнил я.

– Нет, – возразила Ряжская. – Мне это ни к чему. Этот человек – вы сами. Даже если мы с вами вдрызг разругаемся, я все равно вас увольнять никому не дам, по крайней мере, без весомой профессиональной причины. Я женщина не

мстительная и добро помню. Так что кому-кому, а вам опасаться совершенно нечего, кроме собственного вздорного характера.

– О как! – проникся я. – Но если вы сейчас скажете, что должность председателя правления теперь моя, то у меня возникнет ощущение, что я герой какого-то сомнительного «офисного» романчика класса «Не боись, будешь счастливым».

– Тебя? – фыркнула Ряжская. – Председателем правления ставить? Что за чушь? Как тебе такое вообще в голову-то пришло? А если еще учесть твой, повторюсь, на редкость скверный характер, мнительность, строптивость и вздорность, то я тебе даже отдел бы не доверила, не то что банк. Да и не доверю, ни к чему тебе отдел. Зарплату подниму – и только.

– Польщен, – буркнул я, отметив, что впервые за все это время Ряжская обратилась ко мне на «ты».

Не скажу, что я рвусь вверх по карьерной лестнице так же, как в начале лета, но все равно немного обидно мне стало. Ну ладно – банк. Тут я согласен, не потянуть мне этот пост, слабоват в коленках, каюсь. Но чего это мне отдел не доверят? Неужто я совсем уж дурак дураком?

– Тем более что ваш нынешний шеф со своим делом неплохо справляется, – Ольга Михайловна и не подумала как-то реагировать на мое недовольство. – Он умело надувает щеки, лихо изображает из себя матерого лидера и отлично толкает речи на благотворительных мероприятиях. Ну и самое главное – он собрал эффективную команду, которая за него делает все остальное. Кроме, разве, начальника службы безопасности, у которого напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Как там его фамилия, я забыла уже?

– Силуянов, – подсказал я.

– Именно. – Ряжская на секунду замолчала. – Скажи этому человеку, что решение о начале служебного, а возможно даже, и уголовного расследования, будет принято на днях.

– Уголовного-то с какого перепуга? – изумился я.

– Мой дедушка, который начинал работать в органах в те времена, когда ОГПУ еще не осуществило процесс слияния с НКВД, неоднократно говорил: «Был бы человек, статья найдется». – Ряжская хихикнула. – А мой супруг дополнил эту поговорку словами: «особенно если есть знакомый прокурор». Так что не стесняйся, получи удовольствие. Тем более что он все равно бы, скорее всего, вылетел из банка как пробка. У моего супруга есть привычка, приобретая новую компанию, проводить некую аттестацию работающего в ней персонала, обращая особое внимание на топ-менеджмент, финансовую службу и безопасность. И что-то мне подсказывает, что вопрос о продлении трудового договора между вашим Силуяновым и банком подниматься точно не будет. А вот о формулировке записи об увольнении в трудовой книжке будет обсуждаться в обязательном порядке. И пусть порадуется, если он отделается только «статьей».

Она не шутила. Серьезно – не шутила ни разу.

А еще мне было впору засмеяться, повод-то был. Сначала Силуянов мне «статьей» грозил, а теперь сам под нее, похоже, и попал. Воистину – зло есть бумеранг. Запустил его в кого-то и жди потом, когда он тебя по затылку шандарахнет, сделав круг.

Впрочем, это-то ладно, дело локальное, житейское. Жесть – она впереди. Сдается мне, скоро у нас тут головы полетят. Народ узнает – вою будет. И мне теперь перепадет по полной, это можно не сомневаться. Шила в мешке не утаишь, имена новых собственников тайной будут недолго, как и то, что я частенько уединяюсь с одним из них. Да что там – если верить слухам, то и вовсе с ней сплю. И можете быть уверены, народ тут же решит, что именно я определяю, кого казнить, кого миловать. Но это не беда, просто кто-то будет плевать мне вслед, а кто-то даже начнет заверять меня в своем неизменно дружеском расположении.

Тем более что тут ничего не изменить, так случится в любом случае. Даже если я буду бить себя в грудь, заверяя общество в том, что не при делах, мне все равно никто не поверит. И, отчасти, правильно сделают. Не скажу про «казнить», я парень не мстительный, не стану ни с кем сводить счеты. Да и нет у меня в банке врагов, кроме вон одного человека, который сейчас сидит напротив меня. А вот «миловать» – это да. За Наташку с Ленкой попрошу непременно. Они, конечно, не топ-менеджмент, вряд ли их щемить будут, но от греха – попрошу. И за Волконского.

– Даже так? – произнес я и посмотрел на Силуянова, который даже не подозревал о том, что его сейчас приговорили. – А не жестковато?

– Я не люблю, когда невесть кто сует нос в мои дела, – из голоса Ряжской ушла вся игривость. Таким тоном, должно быть, Снежная Королева общалась с девочкой Гердой. – А еще нужна показательная порка. То есть мне надо, чтобы все, кто работает в вашем декоративном банке, который теперь стал собственностью моей семьи, хорошо уяснили, что либо будет так, как хотим мы, либо не будет никак.

– И я?

– Что – «и ты»? – сбилась с высокопарного слога Ряжская.

– И я должен это уяснить?

А что? Мне в самом деле надо сразу расставить точки над «i». Чтобы решить – сейчас ее послать или потом, попозже?

– Саша, ты не человек, – бархатисто рассмеялась Ряжская. – Теперь я точно это знаю.

– А кто же я?

– Ты – ёжик. Чуть что, так сразу колючки вверх, и давай зло сопеть и фырчать, – объяснила мне женщина. – Причем неважно, друг перед тобой, враг. Тебе без разницы. Видно, невесело ты последние годы жил, если в любом человеческом проявлении кого-то из своих знакомых видишь агрессию. Ты в негатив постоянно уходишь, а так нельзя. Так и с ума сойти недолго.

– Ничего, что я еще здесь? – не выдержал Силуянов, и выпятил челюсть вперед. – А?

– Даже не знаю, что вам на это сказать, – прикрыв трубку рукой, ответил ему я. – Серьезно – не знаю. Все так запуталось.

И ведь ни словом не соврал. Ситуация прямо как в статусе Сашки Вязьминой из операционного, том, что у нее в «вотсапе», – «все сложно».

Причем все на самом деле оказалось сложно. Я сам не ожидал от него такой реакции. Как мне думается, он и сам ее от себя не ожидал, просто нашла коса на камень. Ну или сосудик у него какой-то в голове перекрыло.

А может, я его просто до такой степени выбесил.

Короче, он со всей дури бахнул мне прямым в челюсть, да так, что я на пол прилег отдохнуть. Трубка отлетела в сторону, а из глаз у меня полетели искры.

– Непроффешионально, – сообщил я Силуянову ошарашенно и пару раз лязгнул зубами, чтобы проверить, все ли они на месте. – Капец просто как!

Вспомнив большинство фильмов, я прихватил нижнюю челюсть пальцами руки и подвигал ее туда-сюда. Кожа двигалась, челюсть нет. Фиг знает, так оно должно быть или нет, но на душе стало как-то спокойнее. Да и потом – если бы там имелась трещина или чего похуже, наверное, я сразу такое понял. А при вывихнутой челюсти вроде как и вовсе рот не закрывается.

Из трубки, лежавшей у двери, тем временем доносился голос Ольги Михайловны: «Саша. Саша, я не поняла, что у вас там происходит?».

– Ырррр! – издал зверский звук Силуянов, и каблук его ботинка модели «старый добрый прапор» опустился на экран моего телефона.

Вот это был уже явный перебор. Я все понимаю – нервы, вспышка гнева, нереализованные мечты, даже вот этот удар мог понять. Но зачем же имущество портить? Материальный ущерб причинять?

И прощать ему все это я не собирался.

Силуянов стоял чуть сгорбившись, как будто ожидая, что я вот-вот встану и попробую дать ему сдачи.

Да нет, даже не «как будто». Точно этого ожидая. И это наводило на не очень-то хорошие мысли. Например – не собрался ли он меня на инвалидность перевести? Он сможет. Странностей в нем хватает, это да, но при этом в чем-в чем, а в искусстве причинения людям вреда средней и сильной тяжести он разбирается преотлично. Мне про это его же подчиненные рассказывали.

Как-то это все странно. Ну не любишь ты меня – хорошо. Но зачем же провоцировать на драку, с заведомо ясным финалом? Зачем на душу грех брать?

Или не «зачем»? Или – «за что»?

Нет, прощать я ему ничего не собираюсь, это уж точно. Но полный расчёт можно и отсрочить. На несколько часов. Или даже до того момента, пока я не пойму, что тут к чему.

– Выпустили пар? – сообщил ему я абсолютно спокойно. – Надеюсь, на этом все? Если да, так я пойду. Рабочий день, как было сказано выше, кончился, так что если у вас ко мне есть еще какие-то претензии, то это все завтра.

– Дешевка ты, – еще сильнее выпятил челюсть вперед Силуянов. – Что, даже не попробуешь мне сдачи дать?

– Да вот еще, – встал я с пола и отряхнул штаны. – Много чести.

Я бы, наверное, мог наговорить ему всяких гадостей, но не стал. Зачем? Во-первых, говорить становилось все больнее, здорово он мне все-таки бумкнул. А во-вторых, – к чему слова? Лучше сделать. Он у меня грядущую ночь на всю оставшуюся жизнь запомнит. Главное, чтобы все ингредиенты для задуманного дома были. Есть у меня одно заклинание, я его недели две назад нашел, оно как раз самое то, что для моей страшной мести и нужно. Да и на пользу делу это пойдет. Он товарищ неглупый, два плюс два сложит, и завтра, в запале, глядишь, и выложит на духу, в чем же истинная причина такой нелюбви ко мне.

А она – есть. Ну не верю я в то, что человека ТАК можно не любить исключительно за раздолбайство. Есть тут что-то еще.

Одно хорошо – мешать моему уходу не стал. Знай злобно сопел, пока я выковыривал «симку» из телефона, да бросил мне вслед ругательство, когда я за дверь вышел.

По дороге к дому челюсть начала ныть адски, мышцы ее сводило так, что когда я ввалился в квартиру, даже пары слов Родьке сказать не смог.

– Охти мне! – поняв в чем дело, всплеснул лапками мой слуга. – Хозяин, подрался никак? Вот уж не думал, что ты любитель этой забавы! Был у меня один хозяин, тоже мастак морды мять, но обычно он тумаки отвешивал, а не ему. Ты, если в этом деле не смыслишь, так не лез бы в драку-то?

Ничего я ему на это не ответил и полез в шкафчик, где у меня лекарства лежали, за «кетанолом». У меня в активе, понятное дело, уже имелся рецепт зелья «боль снемлюща и сон насылающа», но его же еще варить надо, а потом студить. Это дело не быстрое, часа на два с половиной-три. Легче таблеткой закинуться.

– Вавила Силыч, – тем временем заорал Родька и пнул пару раз лапой холодильник. – Вавила Силы-ы-ыч! Глянь, чего делается на свете! Куда мир-то катится? Ведьмакам-от уже морды бьют!

– Ну не жгут же, как в старые времена? – резонно сообщил подъездный, выбираясь из-за плиты.) – Морда – она чего? Поболит и перестанет. Чай рожа не задница, завяжи да лежи. А вот коли к столбу веревкой, да хворосту навалят – это да. Это неприятно.

Мои зубы лязгнули о край кружки. Я представил себя у столба, среди хвороста, который пахнет бензинчиком, и Силуянова, с доброй улыбкой подносящего к нему горящий факел.

Жуть какая!

– По зубам треснули? – пригляделся Вавила Силыч к моему лицу. – Ишь, со знанием дела били, сразу видно. Надо было сразу лед приложить. Теперь к утру распухнет так, что будь здоров.

– Ну и помог бы! – потребовал Родька. – Ты можешь, я знаю.

Вавила Силыч призадумался, а после было захотел что-то сказать – но не успел. Ему помешал дверной звонок.

Глава четвертая

– Кого еще принесло? – промычал я страдальчески, придерживая челюсть ладонью.

– Маринка небось, – со знанием дела заявил Родька. – Только она вечно притаскивается тогда, когда всем не до неё!

Вавила Силыч гадать не стал, он просто открыл дверцу шкафчика, находящегося под кухонной раковиной, и нырнул в темноту между трубами и мусорным ведром.

В дверь позвонили еще раз, причем звонок был куда более долгий.

– Парень какой-то, – вернулся к нам тем временем подъездный. – Одет прилично, даже галстух у него есть, но по виду – чистый бандит.

– Так уж и бандит? – засомневался Родька. – Что же – нож у него за поясом, пистоль или чего другое?

– Колода ты деревенская, – беззлобно сообщил ему Вавила Силыч. – Какой пистоль? Кого в столице ты пистолем испугаешь нынче? Теперь такие нравы, что хоть орудие на москвича наставляй, он не испугается. Потому как адаптировался горожанин к нездоровой криминальной обстановке. А публики этой я насмотрелся в свое время. Они хоть куртки кожаные на пиджаки сменили, а только как лиходеями были, так ими и остались.

– Меньше телевизор тебе надо смотреть, Вавила Силыч, – посоветовал я подъездному. – Пойду открою.

Мне бояться было нечего, с братвой у меня конфликтов сроду не имелось, да и хуже чем есть уже не будет.

Тем более что звонок верещал не переставая, и становилось понятно, что следом в ход пойдут ноги, а то и автоген. Тот, кто стоял за дверью, был уверен в том, что я дома.

И правда – нежданный визитер на самом деле смахивал на классического «братка» новой формации. Пиджак на размер больше широких плеч, однотонный галстук, короткая стрижка, пара еле заметных шрамиков на лице – все как полагается.

– Смолин? – уточнил он у меня без всяких приветствий. – Александр?

– Он самый, – кивнул я и зашипел от боли. Таблетка еще не оказала свой целительный эффект, а потому лишние движения доставляли изрядный дискомфорт. – Чего надо?

Ответом крепыш меня не удостоил, вместо этого он достал из кармана пиджака довольно дорогой смартфон, потыкал в экран пальцами, а после приложил его к уху.

– Это Сергей, – секундой позже сообщил он в трубку. – Да. Дома. Да, жив-здоров. Правда, кто-то ему изрядно в «пятак» зарядил. Хорошо-хорошо. Кто-то его по лицу ударил. Конкретно? По зубам. Нет, он не сам это сказал. Так вижу. У меня опыт, не первый день замужем. А? Ага.

Сергей отнял ухо от трубки и спросил у меня:

– Тебе кто в «бубен» сунул?

– Враги, – буркнул я, уже понимая, откуда здесь взялся этот молодой человек, и кто именно проявил обо мне трогательную заботу. – Супостаты.

Самое забавное, что он дословно передал мою реплику. Я-то думал, что произойдет осознание того, что это отчасти шутка – но нет. Сергей так и сообщил своему собеседнику, что по зубам меня треснули именно враги и супостаты.

Одно хорошо – на том конце провода мою иронию все-таки приняли к сведению.

– На, – Сергей мне сунул свой телефон и недовольно насупился. – Слово-то какое придумал.

Как видно, то, что он услышал, ему не очень понравилось, потому что интонация была не сильно дружелюбная. Интересно, а если и он мне брякнет по зубам, то у меня челюсть болеть перестанет? Вышибет ли клин клин?

Впрочем, два раза в одну воронку снаряд не попадает.

– Саша? – естественно, в трубке я услышал до боли знакомый голос Ряжской. – Что вообще происходит? Ты мне не объяснишь?

– Осень, – отделался я короткой версией произошедших событий.

– Прекрасный, а главное понятный ответ, – одобрила мою лаконичность Ольга Михайловна. – Ну а если его сделать немного попонятней? Осень – время обострений психических заболеваний? Осень – не лето? Осень, осень, лес застыл… И что-то там еще в песне было. Не помню уже.

– Осень больно говорить, – пояснил я. – Осень-осень.

– Знаешь, я постепенно начинаю ощущать себя кем-то вроде твоей приемной матери, – немного рассержено сообщила мне собеседница. – Ты капризничаешь, я тебя уламываю и уговариваю. «Съешь хоть что-нибудь, Сашенька, что же ты голодный ходишь». Вот, проверяю дома ты или нет, потому что ты не желаешь отвечать на мои звонки. Да еще и побил тебя кто-то…

– Не по чему отвечать, – пояснил я, еле двигая челюстью. – Телефон тю-тю. Прикончил его мощный каблук нашего безопасника. Сначала кулак мне зубы чуть раздробил, потом нога смартфон раздавила. Первое больно физически, второе морально.

– У тебя не возникает ощущения, что градус ситуационной бредовости в вашем банке крепчает? – поинтересовалась у меня Ряжская. – Я давно на свете живу и в бизнес-сферах вращаюсь добрую четверть века, кабы не больше, но с начала девяностых не слышала о том, чтобы безопасники физическим прессингом занимались. Психологическим – это да. Без него никак. Но чтобы морды бить?

Даже в лихолетье они это делали только в том случае, если их подшефные инсайдом занимались, на предмет выявления всей цепочки утечки информации. Помню, в 1995, когда на фальшивых «авизовках»… Ладно, сейчас не об этом речь. А тут прямо колумбийские страсти «а-ля картель».

– Сам в шоке, – подтвердил я, с радостью ощущая, что мне стало немного полегче. Как видно, таблетки начали действовать. – Силуянов, конечно, всегда был той еще сволочью, как и предписано штатным расписанием, но тут он, конечно, дал гари.

– Завтра же его уволят. Лично проконтролирую, – сказала как отрезала Ряжская. – Плюс на твоем месте я бы еще и в травмпункт наведалась, сняла побои. Мы его еще тогда и посадим.

– Странно это все, – никак не отреагировал я на ее слова. – Повторюсь – Силуянов козел еще тот, это так. Но он всегда играл по правилам, вот какая штука. Он никогда не приписывал лишнего даже тем, кого не любил.

– То есть – тебе?

– В том числе мне. Я от него огребал часто, но всегда за дело. Да, он мог поглумиться надо мной, мог сплясать на моих костях, но никогда не переходил линию между профессионализмом и дилетантством. Он себя уважает. И тут – такое… Не вяжется это как-то? Непонятное тут что-то. А я непонятное не люблю, оно меня нервирует. Понимаете о чем я?

– Понимаю, – помолчав, произнесла Ряжская. – Ладно, пусть пока он будет. Хотя пугануть я его все равно пугану.

– Не-а, – ехидно протянул я. – Это тоже предоставьте мне. Я его нынче ночью сам пугану. Так, как вы сроду не сможете, при всех своих способностях.

– Я теперь его жалеть начинаю, – фыркнула Ольга Михайловна. – Не знаю, что именно ты задумал, но точно уверена в одном – врагам своим на его месте оказаться не пожелаю. Даже Соломиной, чтобы ей пусто было. Хотя нет, ей пожелаю. Очень уж она неприятная особа.

– У каждого из нас есть своя Соломина, – ее очень и очень толстый намек я не понять не мог, но решил ответить тоже завуалированно. – И каждая Соломина раньше или позже получит свое.

– Да, вот еще что… – Ольга Михайловна тяжело вздохнула. – Понимаю, что не совсем ко времени, но я снова о Яне. Саша, это несчастная женщина. Если бы ты только знал, какая у нее была тяжелая жизнь, как ей досталось от судьбы!

– Нет, – твердо ответил я. – Приворотами я не занимаюсь. От слова совсем. Ольга Михална, да вы не представляете даже, о чем просите. Этот заговор для людей не помощник, поверьте. Это потенциальный смертный приговор. И помочь ей после я уже никак не смогу, там обратно не отыграешь. Это анизотропное шоссе, Ольга Михална. Или, как вариант, система «ниппель». Туда дуй, оттуда… Не дуй. Уцелевший зуб даю – кончится все очень, очень плохо.

– Что значит – «уцелевший»? – обеспокоилась Ряжская. – Он тебе часть выбил, что ли?

– Это шутка была, – пояснил я. – Все на месте. Но приворот делать не стану.

– А может, есть другой способ решить ее проблему? – полюбопытствовала моя собеседница. – Не приворот, так еще что-то? Саша, ты же умный, подумай. А Яна твои мысленные потуги потом простимулирует. Скажем – плюс двадцать процентов к стандартному гонорару?

– Да не в деньгах дело, – печально произнес я. – Нет, я их люблю, но имеются вещи на порядок выше.

– Саша, – лукаво произнесла Ряжская. – Раз ты так заговорил, значит, идеи у тебя есть.

– Ольга Михална, у меня есть на спине шерсть – немного панибратски хмыкнул я, заработав от Сергея изрядно удивленный взгляд. – Редкая, зато своя.

Ну его изумление мне понятно. Ряжская тетка лютая, думаю, что у нее, что у ее мужа все по струнке ходят. И наши все ходить будут, полагаю.

Но мне надо знать, до каких пределов я могу дойти в общении с ней, где та пограничная линия, которую нельзя переходить ни при каких условиях. Она изучает меня, это ясно как белый день. Причем пускает в ход все приемы, включая самые грязные – провоцирует, ищет болевые точки, смотрит на мою реакцию в некомфортных ситуациях.

Я, кстати, даже не удивлюсь, если странное поведение Силуянова ее рук дело. Актриса она великолепная, удивление ей сыграть как нефиг делать.

Но и я изучаю ее. Внимательно и неторопливо.

Спинным мозгом чую – нам еще долго общаться придется. И мне надо знать, где те пределы, за которые лучше не соваться. Где та точка, которую можно назвать «критической».

И еще – мне надо почуять, когда она из доброй тети захочет превратиться в суровую госпожу. Не в БДСМ смысле, а в жизненном. Когда вместо: «может, поможем» прозвучит: «пойди и сделай». Не хочется проморгать этот момент.

– Шпана, – хмыкнула Ряжская. – С бизнес-леди – и на дворовом жаргоне разговаривать. Ох, обтесывать тебя еще и обтесывать.

– Ощутил себя Буратино, – хмыкнул я. – Ладно, подумаю по поводу вашей Феликсовны. Может, что в голову и придет. Например – мысль какая.

– Подумай, – разрешила Ряжская. – Дело хорошее. А про Силуянова этого забудь. Завтра ему кое-что объяснят, так что он больше тебя не побеспокоит. Завтра вообще в вашем богоугодном заведении ожидается интересный день. Тебе понравится.

И она повесила трубку.

– Держите, – протянул я смартфон Сергею, тот немедленно потянул его к уху. – Не-не, там уже никого. Все, абонент не абонит.

– А как же? – он посмотрел на меня. – А мне чего теперь?

– Понятия не имею, – пожал плечами я. – Домой езжайте, к семье, к детям. Или еще куда. Дело ваше.

– О, Сашендра! – раздался голос сверху, по лестнице процокали каблучки. – Точнее даже – неуловимый Джо. Ты куда пропал? Я как ни зайду – тебя все нет.

Это была Маринка, которая, похоже, только-только вернулась домой. Кстати – да, громыхал дверями лифт на ее этаже.

Была моя соседка нынче печальна и томна. Да еще и пристойно одета. Я бы сказал – на редкость. Вполне себе демисезонный плащик вместо кислотного цвета куртки, юбка ниже колена, блузка, под которой не то что ее юное трепетное тело невозможно было разглядеть, но и даже пару татуировок, на него нанесенных. Не исключено, что там даже нижнее белье сегодня имелось. И правда – осень пришла.

– Все дела да случаи, – ответил я ей. – А ты чего домой так рано?

– Я приличная девочка, – небрежно бросила она мне, оценивающим взглядом окидывая Сергея. – А ты что, с «братвой» теперь дела имеешь? Никак, ты самую главную банковскую тайну узнал, и теперь тебя прессингуют? Так расскажи ее мне, пока тебя не грохнули. Я про это статью напишу, и смерть твоя будет не напрасна.

Сергей немного оторопело смотрел на Маринку, которая, склонив голову к плечу, с интересом строила ему глазки, часто-часто хлопая ресницами.

– Это медбрат, – укоризненно сказал я и помахал ладонью перед лицом Сергея. – Да прекрати ты нагонять эротизм в атмосферу, вон совсем перепугала человека. Он мне средство приносил, от зубов. Я, понимаешь, сегодня упал и так челюстью брякнулся…

Марина посерьезнела, цапнула мое лицо, повернула влево-вправо, нехорошо посмотрела на Сергея и спросила:

– Может, доктору Стасу позвонить? Он быстро подъедет. Два врача, два мнения. Типа, консилиум.

– Да нормально все, говорю, – отмахнулся я. – Ты лучше скажи, что там у тебя с шоу? Я слышал, они тебе крепко на мозг приседали?

– Долгий разговор, – соседка, как видно, сделала какие-то свои выводы, скинула с себя флер загадочности и снова стала привычно легкомысленной. – Пошли ко мне, расскажу.

– Сейчас не могу, – отказался я. – Дела. Давай завтра?

– Завтра – это путь в никуда, – Маринка щелкнула замком сумочки и достала сигареты. – Знаешь, Смолин, я тут недавно поняла одну простую вещь – говоря «завтра», мы, по сути, отказываемся жить здесь и сейчас. Никто из нас не знает, сколько ему отмерено. Может – час, может – век. Но если здесь и сейчас ты не сделаешь того, что предоставила судьба, то, скорее всего, не сделаешь этого никогда. Ну или это выйдет не так, как должно было случиться.

– Ух ты, – внезапно подал голос Сергей. – Мощно сказано!

– Да, накачанный красавчик, все именно так, – печально закончила свой монолог Маринка и щелкнула зажигалкой. – Жизнь дает нам возможности, а мы их спускаем в унитаз со словами: «Сделаю завтра».

– Курить вредно, – укоризненно произнес Сергей.

– Вредно, – покладисто согласилась с ним моя соседка. – И воздухом московским дышать вредно. И еду, состоящую из «Е»-добавок, ароматизаторов, идентичных натуральным, а также сложных химических соединений, потреблять вредно. Все вредно. Но мы живем в 21 веке, мой накачанный друг, у нас не вредного – нет. Сашка, если надумаешь – заходи через час-полтора. Пока я в ванную, пока кофе попью, как раз столько и пройдет. Если не открою – значит, уснула.

И она удалилась, помахав Сергею ручкой.

Тот проводил мою соседку взглядом и спросил у меня:

– А ты с ней… Ну….

– Не-а, – покачал головой я. – И тебе не советую. Пропадешь. Она таких, как ты, на завтрак ест. Честно говорю, без обид.

– Поглядим, – бросил Сергей и направился к лифту.

– Безумству храбрых поем мы славу, – пробормотал я и закрыл дверь. – Но, с другой стороны, каждый сам могильщик своего будущего.

Собственно, я тут же про этого самого Сергея и забыл. У меня были дела поважнее.

Челюсть совсем отпустило, «кетанол» – действенное средство. И пусть это было только временное облегчение, но лучше так, чем никак. Тем более, что теперь я мог, не отвлекаясь на жалость к себе, воздать Силуянову по заслугам. Ну и заодно опробовать одно заклятие из тех, которые до поры до времени я старался обходить стороной. Просто больно от них недобрым веяло.

Ну ладно, вру. Стороной я их обходил, потому что не было того, на ком их можно опробовать. А так-то очень мне хотелось поэкспериментировать! Так сказать – заглянуть на темную сторону. Прямо вот манила она меня. Это вам не зелье от морщин на шее для очередной подруги Ряжской бодяжить.

Но – не на ком. Есть люди, которые не любят меня, есть люди, которых не люблю я, но, даже если притягивать ситуацию за уши, все равно вот так, исключительно из любознательности практиковать на них подобные вещи совсем неправильно. Мои предшественники, насколько я понял, в большинстве своем особо не либеральничали в таких случаях. Если им надо было проверить действенность того или иного зелья, они это проделывали на том, кто подворачивался под руку. В книге записи вроде: «И опробовал я получившийся эликсир на селянине, что на старой пали молодые березы выкорчевывал, прежде обманом затуманив его разум. Сперва тот весел стал, после запечалился, а к рассвету и вовсе помер. Стало быть, не девясил следует в эликсир тот класть, или же меру его уменьшить потребно».

Я так не могу, причем сразу по ряду причин. И старой пали у меня нет, и селяне у нас в городе не водятся, и, самое главное – не по мне это. Я не ангел, и за последнее время много чего натворил, но там-то свою жизнь спасал. А вот так, как прозектор, без раздумий… Нет, нет, не могу. Пока, по крайней мере. А вдруг

что-то пойдет не так, и человек в самом деле окочурится? И как потом мне жить? Делать вид, что ничего не случилось? Перед кем? Перед самим собой?

Имелись, конечно, еще ведьмы из Лозовки и скрывшийся в дебрях Европы колдун, но они для подобного совсем не подходили. Даже не потому, что они мне могли дать сдачи на нашем, ведьмовском уровне. Просто как я узнаю о результате? Получилось вообще, не получилось? Да и обострение отношений мне ни к чему.

Но вот сегодня – совпало. Есть Силуянов, которого мне в данный момент совсем не жалко, и есть давнишнее огромное желание опробовать заклятие по призванию «мары – сонливицы».

Я бы, конечно, на него мару посерьезнее напустил, например – «печальницу», но там заклятие призвания посложнее. И потом – «печальница» на денек не приходит, она его недели две изводить будет, а то и дольше. Силуянов, конечно, сволочь, но у меня нет желания его в овощ превращать.

А вообще эти самые «мары» – страшная сила. Кто это такие? Это тени. Ну или духи, называйте, как хотите. Нет-нет, не души бывших колдунов или ведьм. Это обитатели того места, которое в книге мои предшественники именуют: «за кромкой». Что это за место, где оно – я не знаю. Но подозреваю, что это некая реальность, которая когда-то, очень давно, соседствовала с нашей, а после закрылась или вовсе перестала существовать по причине того, что о ней забыли здесь, на этой грани бытия. Мы про них не помним – и они там, за кромкой, то ли уснули, то ли вымерли.

Подозреваю, что моя покровительница Морана тоже из этих мест. Правда, я так до сих пор и не понял, как именно она мне покровительствует и в чем ее благосклонность выражается. Сниться эта жутковатая красавица мне больше не снилась, и о себе не напоминала, но каким-то шестым чувством я осознаю, что вниманием меня она не обходит.

Так вот – мары. Их много, и у каждой из них своя специализация. Темная, разумеется, специализация, не очень дружественная человеку и, как правило, направленная ему во вред. Кстати – мар часто путают с сестрами-лихоманками, теми, что болезни насылают. Это ошибка, причем грубая. Мары и лихоманки – принципиально разная нежить. Больше скажу – лихоманки по сравнению с

марами добрые девочки-припевочки, потому что они всего-то уязвляют тело. Что тело? Его можно врачевать, причем с рядом лихоманьих напастей сейчас прекрасно справится не то что бабка-ведунья, но и простой районный врач. Медицина здорово шагнула вперед, пенициллин и мазь Вишневского рулят!

А вот мары – они тянутся к душе людской, и тут терапевт не поможет. И бабка-ведунья, кстати, тоже не всякая выручит.

Самая сильная и страшная из мар – полуденница. Не дай бог человеку попасть под ее чары! Это все. Это сразу себе гроб заказывай. Ее не подчинишь и не изгонишь, по крайней мере, так писал Филофей, один из тех, кто до меня книгой владел. Он, похоже, мар всерьез изучал, так что верить ему можно. И, кстати, не призовешь, как ее младших сестриц. Она самостоятельная персона, ходит, где хочет, и живет сама по себе, как тот кот.

Обитает она в тех местах, где когда-то человек погиб. Причем погиб глупо, внезапно, незапланированно. Сердечный приступ там или разбойники напали. Или, применительно к нашему времени, – автоавария.

Так вот – поселится она в таком месте и сидит там как в засаде, ждет того, у кого ума хватит там днем остановиться передохнуть. И если такой дурачок найдется, который рядом с могилой, что мара облюбовала, заснет – все, он пропал. Она уже с него не слезет, будет из него все вытягивать – мечты, покой, сон, чувства, подменять подлинную реальность искусственной, той, в которой ее жертва будет более уязвима. А когда все кончится, то и жизнь бедолаги подойдет к концу, потому как человеку без души существовать совершенно невозможно.

Но это, конечно, крайности. Есть мары и попроще, скажем так – с более узкой специализацией. С одной из таких – «сонливицей» – я и собирался сегодня познакомить нашего отважного безопасника.

Она на фоне своих старших сестер выглядела практически безвредной. Она всего-то вызывала из глубин подсознания спящего человека его самые сокровенные страхи и превращала их в широкоформатные, стереоскопические видения с полным эффектом присутствия. И с невозможностью покинуть данный сеанс до того момента, пока мара этого не захочет. То есть пока досыта не наестся страхом того, кто попался в ее цепкие лапки.

То есть – веселая ночка Силуянову гарантирована. Пока – одна. А там поглядим.

– Родька, расчехляй наш инструментарий, – сообщил я слуге, вернувшись на кухню. – Развлечемся на сон грядущий.

– Лександр, может, не надо сегодня? – озабоченно спросил Вавила Силыч. – Я же вижу, ты лихое задумал.

– Я мстю, и мстя моя страшна, – подтвердил я опасения подъездного. – Можно было бы и сдачи кулаком дать, но я предпочту обраточку включить тем способом, который мне более привычен.

– Ну не знаю, – продолжал сомневаться Вавила Силыч. – Месть мести рознь. Иной раз лучше воздержаться. А чего сотворить-то решил?

– Мару на этого хмыря напущу, – ответил я охотно. – Она ему жизни даст!

– Мару? – нахмурился подъездный. – Александр, мы ведь когда еще договорились о том, что мне таких гостей тут не надо? И обчество не поймет!

– Прости, Вавила Силыч, – тут же понял свою ошибку я. – Надо было сразу тебе сказать о своих планах, чтобы непонимания не возникло. Ты не волнуйся, я не какую-нибудь из тех, что возвращаются к заклинателю, вызываю. Простую «сонливицу», она тут и не появится даже.

– Все равно не дело это, – покачал головой подъездный. – Не надо тебе на эту дорожку вставать, парень. Сначала мары, потом тени, потом темные охотники. А после что? Кем ты станешь? Я же понимаю, ты так и так принадлежишь не к миру Дня, твоя судьба идти среди мертвых душ, но и среди них можно остаться живым человеком. Но если ты потихоньку, помаленьку начнешь поворачивать на эту дорожку, то добра не жди.

– Хозяину виднее, чего творить, – подал голос Родька. – Он ведьмак и в своем праве.

– Да это понятно, – грустно произнес Вавила Силыч. – Только вот не хочу я про вас думать, как про тех, кого надо из этих стен выжить любой ценой, чтобы

остальным жильцам беды не было.

– Да не собираюсь я мутировать в Черного Властелина, – положил я ладонь на крепкое, словно из дерева выточенное плечо подъездного, который, поникнув, скукожился на табуретке. – Даже мыслей таких нет. Просто хочу попробовать, получится у меня эту пакость вызвать или нет? Ну и кое-кому за свою челюсть отомстить. Знаете как она у меня ныла? Если бы не таблетка… Да и завтра, небось, мне мало не покажется. Разве что потом еще зелье для нее сварить?

– Челюсть – это ладно, – Вавила Силыч привстал, припечатал свои длиннопалые руки к моему лицу и резко дунул мне в нос. – Вот и все. И не болит больше. Может – ну ее, «сонливицу»?

Особой разницы в состоянии я не ощутил, «кетанол», как я и говорил, действовал по полной, но при этом у меня появилась уверенность, что да, боли больше не будет.

О как. Он, оказывается, и так может?

– Вавила Силыч, спасибо, – поблагодарил я подъездного. – Прямо не ожидал. Но мару все одно вызову, уж не обессудь. Правда – просто интересно. Но при этом обещаю, что больше таким здесь заниматься не буду. И не здесь – тоже.

– Сомнительный интерес, – проворчал подъездный. – Тут останусь, присмотрю за вами. Неровен час, еще какую гадость сюда подманите сдуру, так я ее хоть почую, сделать чего успею.

Надо же, не думал, что он так на мои забавы отреагирует. Любопытно, а что по этому поводу Нифонтов сказал бы? И не узнает ли он часом о моих экспериментах?

Впрочем – если узнает, тогда и говорить с ним будем. А если нет – так и ладно.

Пока Родька готовил горелку, начищал плошку и пестик, я сначала открыл книгу на нужной странице, а после пошел в комнату, где взял один из своих старых телефонов и вставил в него «симку», которая, хвала небесам, к нему подошла. Просто телефон был сильно не новый, аж кнопочный. Но выбор у меня, увы, был

невелик. Имелась одна модель поприличнее, но ее окончательно присвоил себе Родька и теперь с ней не расставался. Очень ему нравилось с ней играться. Можно было бы отнять, но это будет такая драма, такая трагедия… «Великолепный век» отдыхает.

Ну нафиг, короче.

Аппарат покурлыкал и сообщил мне, что есть несколько непрочитанных сообщений, которые, предсказуемо, оказались от Ряжской. Я их даже читать не стал. Чего там может быть нового?

– Хозяин, – окликнул меня слуга с кухни. – Все готово. Давай, говори, какие ингредиенты для дела нужны? Я читать не умею. Да и нельзя мне в книгу лезть, ты знаешь.

– Ага, – я положил телефон на шкаф, прихватил кое-что из кармана пиджака, который так до сих пор и валялся на диване, а после поспешил к нему. – Молодца. Значит, так, сначала измельчи меру тысячелистника, потом добавь к нему тополиный бальзам, десять капель.

– Десять капель, – повторил Родька. – Ага, что дальше?

– Дальше, – я поводил пальцем по листу книги. – Ставим на огонь и добавляем по три меры росянки и наперстянки. После, как закипит, бросим пять сушеных ягод бузины. Ну и два корня – папортника и рогоза, это, я так понимаю, для нашей защиты.

– Немудрящий рецепт, – заметил Родька. – Больно прост.

– Это на первый взгляд, – веско произнес я. – Под конец надо добавить в получившуюся смесь кровь, слюну или какую другую часть того, на кого мы напустим мару. Без этого ничего не получится.

– Жутко звучит, – заметил Вавила Силыч. – «Часть». Палец – тоже часть.

– Ну да, – согласился я. – И зуб тоже. Но мне они не нужны. У меня есть слюна. Высохшая, но все же.

И я с гордостью продемонстрировал этой парочке обгрызенную зубочистку, которую прихватил в кабинете Силуянова. План-то у меня созрел сразу, так что времени там я не терял. Да и сложности особой это не составило – их там было немало. Весь офис потешался над тем, как шеф безопасников бродил по коридорам, жуя зубочистки, и одну из своих кличек, а именно «Шериф Пупкин», он заработал именно благодаря им.

– Всю бросать нельзя, – сообщил мне Родька. – Больно здоровая. Дай, я вон тот, измочаленный конец состригу и измельчу.

Мой слуга привычно сноровисто подготовил все, что было нужно, и разложил в той последовательности, которая была указана в рецепте.

– Огонь средний? – уточнил он у меня.

– Не знаю, – озадачился я. – Тут ничего не сказано.

– Значит, средний, – заключил Родька. – Давай, хозяин, чего ждать?

– Может, все же ну его? – предложил подъездный, понял, что мы уже не отступим и печально покачал головой.

– Понеслась, – скомандовал я. – Три меры воды и дать ей забурлить…

Компоненты летели в плошку один за другим. Мы уже неплохо сработались с моим слугой, да и я более-менее поднаторел в этих делах. То есть уже не дергался, как тогда, в самый первый раз.

– Корень рогоза, – не отрывая глаз от страницы книги, скомандовал я. – Должна появиться густая белая пена.

– Бросил, – отозвался Родька. – Ага, пошла пена.

Я глянул в плошку. Точно, есть такая. Как пленка на молоке, точнее не скажешь.

– Давай, закидывай зубочистку, – потер руки я. – Если все пойдет как надо, пена после этого должна осесть.

Родька забросил в плошку маленькую жменьку светлых древесных лохмотьев и уставился на бурлящую жижу.

Пена вспучилась, словно ее кто-то толкнул вверх оттуда, изнутри, а после исчезла без следа, а в самом центре темного варева появилась маленькая, с булавочную головку, воронка.

– Все так, – удовлетворенно сказал я. – Ну а теперь главное. Кхм! «Мара-сонливица, есть работенка простая, несложная, для тебя приятная, для меня нужная. Войди в сон человека, что я тебе указал, забери его покой, заставь его узнать, что есть страх. Дарую тебе власть над снами его сроком на одну ночь, с того момента, как взойдет звезда полуночная, до того мига, как пропоют третьи петухи. После же сон его более не твой и душа его тоже не твоя, уходи туда, откуда пришла. Тревожить же человека того, а тем паче меня, более не смей, запрещаю тебе это именами богов древних и всесильных».

По мере того, как я начитывал текст призыва мары, воронка в плошке раскручивалась все сильнее и сильнее, под конец я даже испугался, что она вот-вот вовсе свалится с горелки.

Но нет, обошлось, не свалилась. Зато с последним словом плошка дернулась, что-то свистнуло над ухом, как пуля, а после раздалось истошное шипение, как когда кофе из турки на плиту льется.

Родька глянул в плошку, присвистнул и мигом выключил огонь. И правильно сделал, потому греть там было больше нечего.

Плошка была пуста.

Глава пятая

– Ну, хозяин, кое-кому нынче лихо придется! – радостно сообщил мне Родька, намывая в раковине плошку. – Ух, пожалеет та вражина о том, что с тобой связался! А и правильно – не распускай руки!

– А я так скажу – не связывался бы ты с марами, – высказал свое мнение и Вавила Силыч. – Капризные оне. И опасные очень. Опять же – всегда лазейку в заговоре ищут. Чтобы, значит, не того, на кого указали, к рукам прибрать, а того, кто их призвал.

– Да? – заинтересовался я и развернулся вместе с табуреткой, на которой сидел, к подъездному. – Почему?

– Ты тигру в цирке видел? – ответил вопросом на вопрос он.

– Видел, – кивнул я. – В детстве.

– Она, тигра-то, с тумбы на тумбу лихо прыгает, когда цирковой кнутом щелкает, – неторопливо проговорил Вавила Силыч. – А сама только и ждет, когда тот зазевается. Потому как – дикий зверь. Это тебе не собака комнатная, или там рыбка аквариумная, у нее инстинкты есть, и главный из них – желание жить свободно. Как ты тигру эту ни корми, как ни холь, все одно, если зазеваешься, сожрет она того, кто хлыстом машет. И мясо то для зверюки куда вкуснее будет, чем любое другое. У него вкус свободы. Вот и мары так же. Человека потерзать для них в радость, но забрать душу или даже жизнь у того, кто их заставил что-то делать – куда приятственней. Да и не только о марах речь. Любая нечисть и нежить на призывающего особый зуб всегда имеет. Ты, Александр, это крепко запомни. Если уж взялся кого себе на службу ставить из-за кромки – десять раз проверь, что до тебя этот гость не доберется.

– А в книге про это ни слова, – возмутился я. – О чем предки думали?

– Так а накой писать про то, что любому известно? – изумился Вавила Силыч. – Бумагу переводить? Это сейчас у вас ее вон сколько хочешь. А в бывшие времена листочек две копейки стоил.

– Дорога бумага была, дорога, – подтвердил Родька, закрывая кран. – Не укупишь.

– Две копейки, – хмыкнул я. – Всего-то?

– Воз сена стоил десять копеек, – моментально отозвался мой слуга. – Отборного, того, что чистый клевер.

– Курица-несушка пять копеек, – поддержал его подъездный. – Если же цыпленками брать, так на тот же пятак тебе их дюжину дадут. Да при матушке-императрице за рупь и вовсе корову можно было купить. Дойную! А ты – «всего-то»! А корова для хозяйства – это все!

– Да что корову! – разошелся Родька. – За рупь на Волге об те времена…

– Понял-понял! – поднял я руки вверх. – Убедили! Был не прав!

– Две копейки! – пробубнил Вавила Силыч. – Большие деньжищи! Я вот Кузьмича сейчас позову, да ему твои слова передам, – он тебе еще не так выскажет. Кузьмич еще те времена помнит, когда копейка и копейкой-то не была!

Лучше им, наверное, не говорить, что я тоже такие времена помню. Мне копейки вживую увидеть довелось только в школе, когда денежную реформу провели. До того я про них только в книжках читал.

Но вообще сейчас надо мной нависла страшная угроза. Если Кузьмич, самый старый из подъездных нашего дома, узнает про мои неосторожные слова, то капец чего начнется. Он мне до рассвета будет рассказывать о ценах времен Очакова и покоренья Крыма. Или того хуже – Ливонской войны.

– Говорить Кузьмичу не надо, – поспешно произнес я. – Вы лучше чай попейте. Я сейчас к Маринке отбегу на часок, а потом с вами посижу. И еще – совет мне ваш нужен в одном тонком деле.

Вавила Силыч сумрачно глянул на меня, а после на книгу, так и открытую на странице, где было записан ритуал призвания мары-«сонливицы».

– Нет-нет, – захлопнул я толстый фолиант. – Ничего такого. Скорее – наоборот. Доброе дело надо сделать, но вот не знаю, как к нему подступиться.

С Яной Феликсовной надо что-то думать, однако. Ряжская с меня не слезет, это понятно. Ей на подругу, по сути, плевать, как я уже и говорил. Ей важно

добиться того, чтобы я через «не могу», «не хочу» сделал то, что нужно ей.

Ладно, сделаю. Вот только и ей бы не помешало послушать слова мудрого подъездного о тиграх, которые свободу любят.

А ведьмак – он не дикий зверь. Его, если что, загнать в клетку куда сложнее будет.

– Охота тебе, хозяин, к этой шлендре идти? – подал голос Родька, запихивая фильтр для воды под кран. – Ладно бы от нее какой прок был, а так шум один – и только. И до ума она ничего не доводит. Вон, стыдоба какая из-за «Магического противостояния» перед четырнадцатым домом вышла! Она ж пре-тен-ден-том на победу была – и что? Психанула и всех нас подвела!

– Много воли взял! – рыкнул я на него, причем на этот раз всерьез. – Не тебе судить о том, хорошая Маринка или нет. Знай свое место!

– Ты бы его выпорол что ли? – посоветовал мне Вавила Силыч. – Или смешал пять кило риса да пять кило гречи, да заставил перебирать. А то толком он у тебя ничего не делает, только жрет без остановки и телевизер смотрит. Скоро вон в дверь проходить не будет.

– Обидные ваши слова, – бухнул фильтром об стол Родька. – Прямо до крайности! Я каждый день… Каждый день…

– Каждый день – что? – уточнил подъездный. – Ну? Хозяин твой домой пришел – ужин где? Чай горячий? И носки его грязные под кроватью лежат вторую неделю. Во-о-от! Дармоед ты!

Родька завертелся на месте, грозно засопел, после спрыгнул на пол и убежал в комнату, где чуть позже скрипнуло кресло, на котором он обитал.

– Обиделся, – предположил я. – Теперь всю ночь как слон трубить носом будет.

– Побольше поплачет – поменьше пописает, – философски заметил подъездный. – Тоже мне… Ты его не балуй, а то потом беды не оберешься. А лучше отдай его мне на пару-тройку дней. Дело к зиме, надо трубы в подвале

проверять, любые руки сгодятся.

И знаете что? Я дал «добро» Вавиле Силычу на это благое дело. И «обчеству», прости господи, польза, и жирок Родьке растрясти не помешает. Правда, с посиделками, сдается мне, сегодня не сложится. Да и ладно. Мне Маринки хватит.

Маринка же была задумчива, что наводило на странные мысли. Нет, я не хочу сказать, что моя любимая соседка до того не думала, но чтобы подобное настроение держалось у нее более получаса, это, знаете ли… Впрочем, как-то раз я такое наблюдал, года полтора назад, когда у нее имел место быть бурный и душераздирающий служебный роман с каким-то красавчиком из РИА «Новости», на которого она возлагала как личные, так и карьерные надежды. Но там-то было исключение из правил. А тут прямо даже не знаю.

Может, опять в кого влюбилась?

– Проходи, – сказала мне Маринка, одной рукой придерживая полотенце, которое было намотано у нее на голове и являло собой некое подобие вавилонской башни, а другой поправляя разошедшийся на груди халат. – Кофе будешь?

– На ночь глядя-то? – засомневался я. – Не, не буду. Потом не усну.

– Подолгу спя, мы сокращаем свою жизнь, – философски заметила Маринка и, шлепая босыми ногами, направилась на кухню. – А потом, у меня кроме него больше ничего нет. Третий день забываю в магазин зайти.

– Через интернет харчи закажи, – посоветовал я, проследовав за ней. – С доставкой на дом.

– Так они днем возят, – возразила мне соседка. – Или рано вечером. А у меня рабочее время ненормированное. И еще часто привозят не то. Мне вот вместо яблок раз «помело» привезли.

– Тогда питайся кофе, – подытожил я, усаживаясь за стол, уставленный пустыми немытыми чашками с серо-карамельными кофейными пятнами внутри. – А то,

если хочешь, ко мне пошли. Гречки сварим. Или риса.

– Знаешь, Смолин, – теплые руки Маринки обвили мою шею, а ее подбородок уперся в мой затылок. – Иногда мне кажется, что мы с тобой почти семья, только двадцать лет спустя после бракосочетания. Плотского нет, но есть духовное. Я иногда даже думаю, что коли до тридцати пяти я не выйду замуж и не сложу на очередном редакционном задании свою шальную и очень-очень красивую голову, то женю тебя на себе. Почему нет? Ты добрый, мягкий и покладистый, будешь славным мужем и хорошим отцом. Гречка вон у тебя всегда есть, и рис. Карьеру, может, в своем банке сделаешь, станешь меня обеспечивать сумочками «Луи Витон» и блескучими цацками с камушками от Сваровски.

Она отпила кофе, после вытянула сигарету из пачки и щелкнула зажигалкой.

– Мое мнение о данных планах на грядущее учитываться будет? – заранее зная ответ, поинтересовался я, вставая и направляясь к окну, чтобы открыть форточку.

– Не-а, – отмахнулась соседка. – Я ловкая, хитрая и пронырливая. Я сначала от тебя забеременею, а после поставлю перед фактом. Если же ты начнешь отпираться, то подниму на свою защиту общественность.

– Не поднимешь, – вдохнул я сырой осенний воздух, хлынувший в кухню. – Нет тебе веры теперь. Дворничиха Фарида – и та не поверит.

– Это да, – признала Маринка. – Недавно она меня встретила у подъезда и презрительно так говорит: «Гулял много, куриль, мужик водиль, ребенок потеряль! Глупий ты, правильно Сашка тебя бросаль!».

– Вот! – поднял указательный палец вверх я. – Люди правду видят.

– Ну и хрен с тобой, – выпустила дым соседка. – Была бы честь предложена. Тем более что в последнее время ты, Смолин, стал каким-то не таким. Раньше ты был как таблица умножения – понятным, несложным и записанным на любой обложке любой тетради в клеточку. А теперь вокруг тебя слишком много непонятного и неправильного. Как журналисту мне это интересно, а как женщине – не очень. Вот скажи – что это была за деревня, куда мы с тобой в июле ездили? Что за страсти творились ночью на поляне в лесу? Да бог с ней, с

поляной. Что тогда на кладбище произошло? Ну в конце августа. Почему я тут помню, а тут не помню? Я ведь точно знаю, что ты в курсе всей той истории.

– Да откуда? – мягко произнес я. – Просто пришел тебя поддержать. Так сказать – «мысленно вместе».

– Подобную хренотень впаривай первокурсницам из любого института. Они вообще верят во все, даже в любовь до гроба, по крайней мере до тех пор, пока две полоски на тесте не увидят. – Маринка стряхнула пепел с сигареты. – Что за отдел 15-К такой? Почему Стас при упоминании о тебе начинает юлить и пытаться перевести разговор в другую плоскость? Да черт с ней, с другой плоскостью. Почему тот же Стас про тебя знает больше, чем я, твой самый верный друг, почти родственница? Почему Севастьянов настоятельно советовал мне во всю эту историю не лезть? Севастьянов, криминальный журналист от бога, у которого инстинкт самосохранения отключили еще в материнской утробе. Очень много «почему». А ответов нет. Только смазанные воспоминания о том, что мне несколько раз было очень страшно.

– Севастьянов твой умный парень, – снова глубоко вдохнул я, так и не поворачиваясь к Маринке лицом. – Он просто не хочет, чтобы тебе снова было очень страшно.

– Интерес к непонятному для меня всегда был приоритетней страха, – топнула босой ногой по полу Маринка. – Он у меня развит сильнее. И потому я хочу, чтобы ты мне все рассказал. Все, от начала до конца. Сашка, я все равно с тебя не слезу!

– Ну ты на меня еще и не забиралась ни разу, – заметил я, раздумывая, как правильно поступить в данной ситуации.

Ведь правда не отстанет, уж мне-то это известно. Но при этом мне было ее очень жалко. Она не я, она влезет во все это с головой без раздумий и выбора дороги, и, в результате, скорее всего умрет, так не дожив до собственного тридцатипятилетия. Да что там. Даже до следующей весны.

– Смолин, если это шантаж, то очень и очень низкий, – возмутилась Маринка. – Я, конечно, девочка без комплексов, но есть же некоторые вещи! И потом – я тебе тогда на кладбище все детально объяснила. Не надо ломать то, что потом

никогда не восстановишь.

– Да ну тебя, – я, наконец, принял решение и вернулся за стол. – Шучу я, шучу. Не очень-то и хотелось.

– Вот ты хам, – еще сильнее обиделась Маринка. Она была настоящей женщиной, потому ее задевали равно как приставания представителей противоположного пола, так и их равнодушие. Причем даже если и то, и другое исходило от одного и того же человека. – Ты хочешь сказать, что вот это вот не будит у тебя никаких чувств?

После чего был распахнут халат, и я узрел на самом деле красивые формы моей соседки. И – да, они будили и чувства, и все остальное.

– Определись уже, – посоветовал я ей. – А то елозишь мыслями, как кот по полу после туалета. Тебе самой чего надо?

– Правду. – Маринка запахнула халат, потушила сигарету, поставила локти на стол, положила голову на ладони и уставилась на меня. – Всю и в деталях.

– Душа моя, да нечего мне тебе рассказать, – жалобно просопел я. – У тебя воображение, как у любой творческой личности, слишком буйное. Ты сама себе чего-то навыдумывала, потом в это все поверила, а теперь меня тиранишь, требуя того, что я тебе дать не могу. Ну не в состоянии я рассказать что-то, чего не знаю.

– Врешь. – Маринка перегнулась через стол и ткнула меня пальцем в лоб. – Врешь, гад такой. И, главное, уверенно так, со знанием дела. Говорю же – изменился ты. Раньше я тебя всегда могла раскрутить на то, что мне было нужно, а теперь – откуда что берется. Ладно, хрен с тобой, я подожду. Это я в плане вкусняшку съесть нетерпеливая, а в профессиональном смысле у меня с умением ждать все в порядке. Но помни – большой брат следит за тобой. И если даже на некоторое время я исчезаю из твоего поля видимости, как это случилось в последний месяц, это не значит, что меня нет рядом.

И она изобразила некий жест, сложив указательный и безымянный палец в «рогульку», а после поводив ей в воздухе, от своих глаз к моим.

– Следи, – быстро согласился я. – Во все перископы. Я не против. Только, чур, когда я приведу гражданку к себе в гости и задумаю с ней поиграть в «шпили-вили», не надо выскакивать из-под кровати и упрекать меня в недостаточной техничности и опытности.

– Заковыристые у тебя фантазии, – хмыкнула Маринка. – «Гражданку в гости». Сто лет ничего подобного не видела, с той самой поры, когда твоя бывшая вещи из твоей квартиры забирала. Кстати, я ведь тут с ней в метро недавно столкнулась, причем на нашей остановке. Она про тебя спрашивала, интересовалась личной жизнью. Я-то сначала подумала, что она к тебе заезжала, но нет, у нее тут какие-то дела по работе были.

О как. Светка работает на «Красных воротах», и в наши «спальные» пенаты ее ну вот никак занести не могло. Нет, будь она юристом, косметологом или тем же журналистом, то есть корми ее ноги, можно было бы в это поверить. Но она-то рентгенолог! И у клиники ее филиалов точно нет, это я знаю, как «Отче наш».

Совпадение? Не уверен.

Вот ведь.

– Слушай, она упоминала какую-то рыжую девицу, – продолжала тем временем свой рассказ Маринка. – Мол, связался ты с какой-то малолеткой, та по ухваткам форменная прошмандовка.

– Это она прямо так сказала? – уточнил я. – Или ты уже от себя добавила характеристику?

– Моя инициатива, – подтвердила Маринка. – А что такого?

Да ничего. Просто Светка, даже когда мы ругались, матерные слова за кадром оставляла. Не любит она этого. Не то воспитание.

– Да еще и рыжая, – продолжила Маринка. – И тут я подумала – это не та ли девица, которая с твоим таинственным приятелем в светлой куртке была. Смолин, ты чего, ее реально поджуживаешь? Если да – то ты, прости меня, дурак. Нет, с твоей бывшей я все сделала красиво. Я ей сказала, что ты и рыжую

петрушишь, и еще каких-то девок водишь под настроение, и даже, бывает, меня, когда очень припрет, употребляешь по-соседски, по-дружески, практически по-братски. Ну надо же твое реноме поддерживать. Но по жизни – эта рыжая не твоего поля ягода. Я таких знаю, у нас на курсе несколько подобных девиц имелось.

– Каких «таких»?

– Упертых. – Маринка цапнула из пачки новую сигарету. – Для которых на первом месте дело. Она точно такая, можешь мне поверить. И ты всегда для нее будешь только фоном, как радио в машине или телевизор на кухне. Есть – хорошо. Нет… Ну и ладно. Только не спрашивай, на основании чего я такой вывод сделала. Просто поверь, что так оно и есть. Тетя Марина в таких вопросах не ошибается, потому как рыбак рыбака видит издалека. Я сама из таких.

– Запоздала ты с советом, – я взял со стола зажигалку, щелкнул ей и поднес синеватый огонек к кончику сигареты. – Все закончилось, не начавшись.

– И очень хорошо, – Маринка со вкусом затянулась. – Лучше ни с кем, чем с такой. Слушай, а Светка твоя здорово расстроилась после моих слов. Знаешь, сдается мне, что у нее…

– Спасибо, – остановил я Маринку. – Я знаю, что ты скажешь, но слушать это не хочу. И тема закрыта. Ты лучше мне расскажи, с какого перепуга ты вдруг стала одеваться в стиле «я примерная девочка»?

Соседка запнулась на середине фразы, внимательно глянула на меня, усмехнулась, помолчала с полминуты, а после уже другим тоном произнесла:

– Какие же люди иногда бывают дураки. Смех, да и только. А что до одежды – ты ведь не в курсе. Все, меня в штат «Московского вестника» взяли. Спасибо «Магическому противостоянию», кстати. Эфир на центральном канале и пара статей на эту тему склонили кадровую чашу весов в нужную сторону. Правда, пока младшим помощником старшего дворника определили, но это ничего, это нормально. Зато спать ни с кем не пришлось, что уже неплохо. Не скажу, что меня это сильно смущает, но все-таки иногда вечером, когда темно, дождь и тебя, придурка, дома нет, начинаешь задавать себе неудобные вопросы, вроде: «как дальше жить?». Очень сильный душевный дискомфорт при этом возникает.

– Поздравляю, – искренне порадовался за Маринку я. – Перефразируя классиков – сбылась мечта идиотки.

– Вот, временно убаюкиваю бдительность бабулек из редакции, – вздохнула Маринка. – Этого наследия ушедшего тысячелетия там много сидит, оно до пенсии дорабатывает. И жужжат эти божие одуванчики как мухи, если кто-то сильно выбивается из общей картины. Не скажу, что меня это сильно беспокоит, но они, чуть что, бегут к главреду, а он дядька лютый, мигом из себя выходит, после чего начинает орать, махать руками и трясти шевелюрой. У него знаешь какое прозвище? «Мамонт». Очень точно подмечено.

– И надолго тебя хватит, в таком виде ходить?

– Не знаю, – задумчиво ответила Маринка, покрутив пальцем светлый локон, выбившийся из-под наголовного полотенца. – Надеюсь, хотя бы до Нового Года. Потом, вроде, эту богадельню разогнать должны, кого на пенсию, кого в архив. Так Севастьянов сказал, а он всегда в курсе происходящего.

– А с шоу этим чего? – задал я вопрос, который давно не давал мне покоя. – Они тебя после не прессинговали?

– Да нет, – пожала плечами Маринка. – Так, побухтели маленько, да и все. Очень удивлялись, почему я, так замечательно стартовав, сама сливаюсь. Мол – рейтинги у меня будут ого-го, можно даже на призовое место рассчитывать. Бесплатное! Место победителя уже проплачено, к нему не подберешься, но остальные ступени пьедестала пока свободны.

– Так и помолотила бы еще, – предложил я.

– Да ну, – отмахнулась Маринка. – Гадючник. Все всех не любят так, что аж сожрать готовы. Ты даже не представляешь, Смолин, какая в этом магическом цехе конкуренция. Чуть кто высунулся повыше остальных, так его сразу за ноги начинают стаскивать вниз. Все в ход идет – деньги, связи. Ну и криминал, понятное дело. Они ведь с этого тоже свою долю имеют. Я потом еще немного эту тему покопала, после шоу, хотела цикл статей сделать, но Мамонт сказал «нет». Чего-то его тут смутило. Ну а мне спорить с руководством пока не чину. Вот через пару лет, когда заматерею…

– Жесть, – признал я. – То есть – все кончилось хорошо?

– Если не считать психологической травмы, полученной мной – то да, – согласилась с моими словами Маринка. – Ну и еще того, что один из каналов вряд ли когда-то еще будет иметь со мной дело. По крайней мере, в обозримом будущем. Но плюсов по любому больше.

А она врала. Немножко, чуть-чуть – но привирала. Я это ощутил невероятно ясно и крайне этому факту поразился. Да и было чему. До того я никогда не знал точно, где мне Маринка врет, а где говорит правду.

– Темнишь, – цокнул языком я. – А? Ну ведь есть такое?

– Ой, какой проницательный! – недовольно мотнула головой соседка. – Откуда что берется. Ну да, я бы еще там покрутилась, но телевизионщики договор начали впихивать, а он мне нафиг не нужен. График съемок, потом еще какие-то мероприятия после окончания сезона… Когда мне всем этим заниматься? Мне надо в редакции впахивать, примой становиться, акулой пера, так сказать. На это не то что все время уходить будет, а целый кусок жизни. Да еще и Стас сказал, что прикрывать меня больше никто не будет. У них операция кончилась, если надумаю дальше работать в программе, то это уже на свой страх и риск. А мне без него, если честно, там страшновато было оставаться.

Вот это и есть основная причина, надо полагать. Надо же, моя соседка хоть раз в жизни сделала что-то осмысленное. Праздник, люди! Праздник к нам пришел!

– Ну и правильно, – одобрил ее поступок я. – Ну их всех, Гупт этих. И фриков тоже, тех, что вроде Максиваксио. Все они там на голову ушибленные.

– А ты, Сашка, все-таки подумай, – помолчав, сказала мне Маринка. – Я же не дура, отлично понимаю, что и ты темнишь. Если что – на меня можешь рассчитывать. Две головы – лучше, чем одна.

На том мы и расстались. На дворе уже стояла ночь, пора было ложиться спать, тем более что завтра, точнее, уже сегодня, меня ждал веселый и интересный день. Засыпая, я зловредно хихикнул, представляя, какой бледный вид завтра будет иметь Силуянов. Как бы он, бедный, вообще последний ум не потерял, от навалившихся на него невзгод. Сами посудите – сначала большую часть ночи

нашего доблестного безопасника мара будет терзать, реализуя все его потаенные страхи, включая даже детские, давно и прочно забытые, а утром как молотком по голове стукнет новость, что банк отныне в руках Ряжских, и я теперь, как их фаворит, для него недосягаем.

Прямо вот хорошо!

И все-таки интересно – зачем Светка приезжала на нашу станцию метро? Может, я себе льщу? Может, просто ее клиника новый аппарат закупает, и она правда по работе сюда наведалась? Вроде видел я там рядом вывеску: «Медицинское оборудование».

А если нет? Если что…

Ладно, чего гадать, все равно правду я не узнаю. Ну, не звонить же мне ей в поисках истины? Тем более что она со мной, скорее всего, и говорить-то не станет, после нашей последней встречи.

Но как тогда Женька на меня прыгнула! Ох, какое у Светки лицо было!

И я заснул со счастливой улыбкой на губах, даже несмотря на то, что мне жутко мешало это сделать беспрестанное бормотание и вздохи под креслом. Там переживал сегодняшнее происшествие мой впечатлительный слуга.

И снилось мне нечто хорошее, настолько, что когда меня нахальнейшим образом вырвали из ночных грез, я был очень, очень недоволен.

– Хозяин, – теребил меня за руку Родька. – Хозяин, ты это… Ты просыпайся! Надо!

– Отвали, – недовольно буркнул я, не желая покидать пусть и непонятный, но приятный сон. – Прокляну!

– Да куда уж больше-то, – чуть не всхлипывая, ответил мне слуга. – Хозяин!!! Ну открой глаза! Тут без тебя никак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasil-ev_andrey/ten-sveta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить